

Георгий Ланской

ПУЛЯ

Георгий Александрович Ланской

Пуля

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=594705

Аннотация

Когда ваша жизнь летит под откос, когда ваша семья и друзья убиты, вам не остается ничего другого, кроме доброй старой мести. Если вы в прошлом снайпер, то мафиозные лидеры захлебнутся в крови...

Содержание

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

4

84

Георгий Ланской

Пуля

* * *

День не заладился с самого утра. Нет, поначалу было все хорошо. Я спал, как белый человек. Часы показывали три дня, светило солнышко... И тут раздался звонок в дверь.

Дело в том, что я Веб-дизайнер с ненормированным рабочим днем. Работаю я на дому, иногда ночью, закрывшись в своей комнате, чтобы не беспокоить спящую семью. Перед этим злополучным утром (точнее, днем), у меня был срочный заказ. Один из моих клиентов заказал мне оформить новый сайт знакомств. Все бы ничего, но клиент решил окрасить Интернет-страницу в пламенные тона, чего я признаюсь не люблю. Красный раздражает глаза, желтый взбадривает так, что потом не заснешь, а зеленый мне просто действует на нервы. Я предпочитаю тона холодные и спокойные, под тихую музыку, лучше классическую. Красные тона требуют рока, «Арии» или «Кренберис». А после такой музыки расслабиться удастся с трудом, *тем более что за работой я пью много кофе.

Работу я закончил в шесть утра. В шесть двадцать я отправил адрес демонстрационной версии новоиспеченного сайта

на электронный почтовый ящик заказчика. В шесть тридцать я стоял под горячим душем. В шесть сорок пять я спал каменным сном...

Сквозь сон я услышал звонок. Каждый раз я стискивал зубы и давал себе слово, что выкину его на помойку и приобрету новый, с более мелодичными и тихими звуками. Что-нибудь вроде канареечной трели. Наш дверной звонок напоминает вой противозвушной сирены, готовой поднять мертвого и бросить его на танки с гранатой в руке. Гранаты у меня не было, о чем я искренне в тот момент сожалел. Мелькнула смутная надежда, что человек за дверью подумает, что в доме никого нет и спокойно удалиться. Как бы не так! Человек может и подумал бы, но моя младшая сестра, так не вовремя вернувшаяся из школы, подошла к дверям и задала любимый вопрос галчонка Хватайки из мультфильма «Трое из Простоквашино»: «Кто там?».

Конечно, это был не почтальон Печкин. Услышав знакомый глухой басок, я тихо простонал: меня посетил Леха.

Леха был идиотом. Таким его родила мама, а может, и жизнь так скрутила. Мы прежде жили в одном дворе и вместе копались в песочке. Потом родители Лехи стали важными шишками в городской, а затем и районной администрации и получили новую квартиру в центре города. Это произошло уже в моем сознательном возрасте, и я втайне надеялся, что Леха больше не будет к нам приходить. Как же! Алексей стал бывать у нас еще чаще, чем когда мы жили че-

рез стенку. Иногда он ночевал у нас, не всегда спрашивая разрешения. Мы терпели, загадочно улыбаясь, мысленно желая Леше провалиться. Однако он упорно не желал проваливаться, и все чаще приходи к нам домой с неизменной глупой улыбкой на толстом лоснящемся лице.

Каждый раз, когда Леха вваливался ко мне в комнату, создавалось ощущение, что в дом нагрянул ОМОН, и с криками: «Все на пол!» вышибает двери. Так было и на этот раз. Леха влетел в комнату и бухнулся ко мне на постель, упуская из виду, что его рост и вес сильно смахивает на параметры гиппопотама. Однако я был приучен к его штучкам и успел вовремя подогнуть ноги, тем самым, избежав возможности остаться полным инвалидом. Кровать негодующе заскрипела.

– Подъем! – заорал Леха мне в ухо. В ответ немедленно раздался стук в стенку. Теперь в бывшей квартире Алексея жила жутко нервная старушка. Я глухо простонал и сунул голову под подушку.

– Ты чего, дрыхнешь до сих пор? На дворе уже белый день! – гаркнул Леха, стаскивая с меня одеяло. Я раздраженно заскрипел зубами и поднялся.

– Я – существо богемное, во сколько встал, во столько и утро, – процедил я сквозь зубы, одеваясь. Носки отсутствовали. Наверное, я забыл их в ванной. Леха захихикал, вызвав у меня дикое желание придушить его подушкой.

– Что у вас на обед? – поинтересовался он, потягиваясь

словно большой и толстый тюлень. Я согнал его с кровати и принялся застилать ее.

– Овсянка, сэр, – буркнул я. Леха скривился.

– Опять? Я ее терпеть не могу!

Об этом мне было давно известно. Леха не любит каши, не любит йогурты и овощи, предпочитая мясные и макаронные блюда. Я же по утрам практически не завтракаю, ем все подряд и не привередничаю.

Мы вышли на кухню. Леха немедленно полез в холодильник и вытащил из него крохотный кусочек колбасы, который по неосмотрительности не доела сестра. Такого слонопотама, каким являлся Алексей, убить подобной порцией было невозможно. Однако в холодильнике было пусто. Точнее, не так пусто, просто продукты, имевшиеся в нем, для нежного желудка гиппопотамообразных не очень подходили. Я насыпал себе в чашечку творога, залил его сметаной, посыпал сахаром и начал есть. Леха с отвращением смотрел мне в рот.

– Как ты можешь это есть? – недовольно спросил он, с тоской глядя на свой жалкий бутерброд. Я с удовольствием зачерпнул творог из чашки и продемонстрировал Алексею, как я это делаю.

– Будешь жрать эту дрянь – навсегда останешься корытницей, – поучительно произнес он.

– А если я буду жрать так, как ты – стану таким же жиртестом, – парировал я. Намеков на свой кабанский вес Леша не переносит, о чем я прекрасно знаю, как и он знает, что мне

это известно. В отличие от Алексея, у меня рост сто семьдесят сантиметров, вес шестьдесят килограмм. Из приятеля можно легко выкроить троих меня. Леха вздохнул, отхлебнул кофе и покосился на меня. Я смиренно ждал, надеясь, что пронесет. Когда на лице Алексея появляется скорбное выражение, значит, скоро он начнет что-то просить. Просьбы Лехи всегда были неприятными и требовали значительных усилий для их выполнения. Попытки просто послать его на три веселых буквы ни к чему приводили. Леша уходил, потом возвращался с той же просьбой, канюча до тех пор, пока его просьбы не удовлетворяли. Умея подмазаться к кому угодно, Леха обладал отвратительной настырностью и способностью влезть без мыла во все щели. Избавиться от него можно было только одним способом – решить его проблему.

– Сева, у меня такое дело... – начал Леша. Я терпеливо ждал. Желания лезть в это дело у меня уже не было.

– Понимаешь, я влип в одно дело... – продолжил он. Само собой, когда такого не было, чтобы он не влипал в разные дела! Видя мою пассивность, Леха еще раз тяжело вздохнул и посмотрел на меня с надеждой. Я подавил в зародыше чувство жалости и участия, придав лицу непроницаемое выражение. Леха в очередной раз вздохнул и решительно ринулся в атаку.

– Понимаешь, я попал в крайне неприятную историю. Дело в том, что я проиграл в карты довольно большую сумму. Сегодня мне надо ее отдать...

Ясно. Леха не так давно пристрастился к картам, проигрывая немалые денежки своего папаши, благополучно занявшегося бизнесом, что позволило ему не так давно переместиться в мягкое кресло мэра города. Много раз Лехины родители пытались пристроить оболтус-сына в самые разные учебные учреждения, и только недавно поняли, что таланта к учебе у их сына нет. Теперь Леша трудился у папы под крылышком на должности помощника мэра, выполняя мелкие поручения, а попросту говоря – занимаясь битьем баклушей. Зарплата у него была неплохая, но ее постоянно не хватало, так как Леша тратил ее на девочек, водочку и карты. Единственное, что поддерживали родители Алексея, так это его дружбу со мной. Считалось, что я человек серьезный и влияю на Леху так, как надо. Уяснив суть проблемы, я грешным делом подумал, что Леха пришел за деньгами, в чем я ему благополучно откажу, и расслабился. Однако, как выяснилось позже, я глубоко заблуждался.

– Деньги-то я собрал, – ответил Леша на мой немой вопрос. – Просто не вовремя. Я должен был отдать их еще на прошлой неделе.

– И что, проценты набежали? – спросил я, позволив себе открыть рот. Леха молча задрал рубашку. На его ребрах красовались жутковатые багрово-синие полосы. Я присвистнул.

– Чем это тебя?

– Прутом железным, – скривился Леха. – Они люди серьезные. Я по глупости надеялся, что пронесет, да видно не

судьба!

– Знать, планида тебе такая выпала, – усмехнулся я. – Говорил я тебе, не лезь к картам, если играть не умеешь, так ведь ты умного человека не слушаешь!

– Да я сам себе слово дал, что завяжу. Вот только с долгами рассчитаюсь и амба!

Леша замолчал, усиленно разглядывая потолок. Нет, сил моих терпеть это больше нет!

– Так от меня тебе что надо? – не выдержал я. Леха только этого и ждал.

– Севочка, поехали со мной на «стрелку». Боюсь я, что они меня там же и закопают. А с тобой мне не страшно ехать.

Я позволил себе возмутиться.

А в честь какого пуркуа я поеду с тобой? Чтобы и меня рядом закопали? Забудь об этом!

– Ну, Севка... Ты же крутой...

– Нет!

– Не любишь ты меня, Сева!

– Нельзя сделать так, чтобы все тебя любили, – наставительно произнес я, – но можно, чтобы все имели. И не мысли, и не думай! Никуда я не поеду!

– Ну, Пулечка, ну, пожалуйста... Я в глубокой жопе!

О, я не вынесу! В припадке умственного затмения я выболтал Леше, что в армии у меня было погоняло «Пуля». Леше это страшно понравилось. Теперь, если ему требовалось что-нибудь выпросить у меня, иначе чем «Пуля» он ко мне

не обращался. Напоминания о службе были мне в тягость, я готов был на что угодно, только бы забыть об этом, но стараниями Леши я снова и снова возвращался в этот кошмар.

– Жопа, это не орган, а состояние души, назидательно произнес я, стиснув зубы. – Ладно, съезжу, посмотрю. Но учти, это в последний раз... – Тут я поймал себя на мысли, что последний был в прошлый раз. – Только учти: делать будешь все, как я говорю.

Леха, повизгивая, соскочил с места. Теперь он напоминал обожравшегося сенбернара, который сносит все вокруг.

– Пулечка, что мне для тебя сделать? – заорал он, сделав попытку припасть к моим ногам и облизать пятки.

– Проваливай, и дай мне выспаться, – невежливо ответил я. – Во сколько «стрелка»?

– В девять. А ты точно будешь?

– Зуб даю. Я найду за тобой в семь.

Леха с тоской посмотрел на недоеденный бутерброд. Я сунул остатки ему в руку и подтолкнул к дверям. Даже после кофе спать хотелось зверски. Вернувшись к себе в комнату, я бухнулся поверх покрывала. Веки тяжелели, но сна не было. Мысли и воспоминания роем вертелись у меня в голове. Не могу сказать, что все они были приятными...

* * *

Зима девяносто пятого в Подмосковье выдалась на ред-

кость слякотная. Под Новый год пошел дождь. А через несколько дней ударили крепкие морозы.

В один из таких морозных дней в воинской части №**** состоялись плановые учебные стрельбы молодого пополнения части. Тучи затянули все небо. Влажность делала пребывание на морозе совершенно невыносимым. В довершении пошел снег. Облезлые жестяные мишени, изображающие неприятеля, стали практически неразличимыми на фоне заснеженного леса. Снежная сетка практически полностью скрыла их от глаз молодых бойцов.

Необстрелянные и необученные желторотые юнцы поначалу хорохорились. Каждый промах новобранца высмеивался теми, кто считал себя наиболее крутым. Однако смешки стали затихать, когда практически никому не удалось выбить три из трех. Мишени стояли, словно истуканы. Теперь, когда больше половины роты выпустили свои положенные шесть патронов, каждая поваленная мишень воспринималась на ура. Капитан Кузнецов смачно сплюнул на землю, глядя на очередной промах бойца. Сам он только что обстрелял мишени и ни разу не промазал. Ему, с его многолетним опытом, казалось детской игрой сбить эти жалкие жестянки.

К расстеленной на земле плащ-палатке пригибаясь, побежал очередной солдатик. Кузнецов посмотрел на него с жалостью. Это был маленький худенький человечек с детскими чертами лица и тоненькими пальчиками, которые обнажились, когда солдатик скинул армейские рукавицы. Солдатик

снял АКС с предохранителя, передернул затвор, прицелился... Бах! Мишень упала. Солдатик стрелял одиночными. Бах! Упала вторая мишень. Бах! Третья повалилась, как подкошенная. Тем временем поднялась первая. Бах! Мишень опять упала. Бах! Едва успевшая подняться вторая опять исчезла из виду. Бах! Третья тоже легла...

Солдатик отстегнул магазин, передернул затвор и щелкнул курком, проверяя, не осталось ли в стволе патрона. Кузнецов махнул пареньку рукой. Тот подбежал, придерживая болтающуюся на голове каску.

– Хорошо стреляешь, – похвалил капитан, глядя на бледное мальчишеское лицо. Ни за что не дал бы такому больше пятнадцати. – Как фамилия?

– Рядовой Тулин, – ответил паренек и забавно сморщился, глядя на двухметрового капитана снизу вверх.

– Пулин? Очень подходящая для тебя фамилия...

– Тулин, – поправил солдатик.

Кузнецов хлопнул его по плечу так, что паренек даже покачнулся.

– Ну, давай, Пуля, ешь побольше каши. Мы с тобой еще повоюем...

* * *

Леха меня не дождался. В половине седьмого он заехал за мной сам на своей белой «Тойоте». Я недовольно помор-

щился, глядя на его светлую рубашку и голубые джинсы.

– Ты бы еще концертную телогрейку нацепил, – пробурчал я, усаживаясь рядом с ним. Леха недоуменно посмотрел на меня, словно видел перед собой потрясающие новые ворота.

– Причем здесь концертная телогрейка? – глупо спросил он. Мультфильмов в детстве он тоже не смотрел.

– Не причем, – вздохнул я. – Просто мы едем на «стрелку». Если я правильно представляю ситуацию – мероприятие это довольно опасное. Если твои кредиторы и в самом деле такие крутые, то ни к чему представлять собой мишень. Куда мы едем-то?

Леха с уважением посмотрел на мои черные джинсы и черную водолазку.

– За город. Нас будут ждать у карьера.

Кто бы сомневался. Большая часть стрелок братков назначалась за городом у огромного песчаного карьера, в котором при случае и закапывали трупы. Мне сразу перестал нравиться наш променаж. Положение было явно незавидным. Леха весело насвистывал, безбожно фальшивя. За его дурацкой улыбкой прятался нешуточный страх. Погожий вечер быстро портился. Небо мгновенно темнело, сгущающиеся тучи пожирали закатные краски. В воздухе повеяло сыростью. Я оглядывался по сторонам, выискивая возможные пути отхода.

Неподалеку от карьера в серой «Ауди» сидела девушка.

Мужчина, открыв капот, самозабвенно ковырялся в моторе. Леха вопросительно посмотрел на меня, приготовившись остановиться.

– Не тормози, – приказал я, заметив цепкий взгляд девушки, которая быстро сунула руку под приборную доску и достала что-то сильно напоминающее мобильник. Мужчина немедленно бросил ковыряться в моторе, сел за руль и медленно покатыл прочь. Все увиденное мне очень не понравилось. Господи, кому же Леха задолжал? Я сунул в карман руку и пощупал припасенный накануне нож.

Леха успел оглянуться, и его лицо посерело. Теперь он боялся еще сильнее. Толстые щеки тряслись, пальцы непрерывно барабанили по рулю. Его нервозность раздражала меня, но я молчал и вертел по сторонам головой, дабы подметить какие-нибудь несуразности. Однако, вокруг было тихо.

Мы подъехали к карьере, когда на часах было половина девятого. Компанию нам никто не пожелал составить. Лехины кредиторы отсутствовали, что было неудивительно. Мы вышли из машины и огляделись по сторонам. Место было открытое и прекрасно простреливалось с разных сторон. На любом из песчаных холмиков, на любом дереве, под любым кустом мог скрываться снайпер. Хотя я, если честно, не думал, что кто-нибудь захочет взять с собой стрелка такого рода. Во-первых, Леха слишком мелкая для этого фигура, а во-вторых, в него можно стрелять с закрытыми глазами и все равно не промажешь. Однако, былой опыт и нервная атмо-

сфера заставили меня более внимательно относиться к любой мелочи вокруг. Погода портилась с невероятной быстротой. Начал накрапывать дождь. Я посмотрел на часы. Было ровно девять. Кредиторы не торопились появляться.

Два черных «Мерседеса» с горящими фарами прикатили тогда, когда мы уже собирались уезжать, то есть, около десяти. Из автомобиля вылезли трое мужиков, сильно смахивающих фигурами на шифоньеры и лицами, похожими на трамвайные будки, и плюгавый паренек тощего сложения и крысиной мордой. «Шкафы» подчеркнуто вежливо обращались с этим заморышем, из чего я сделал вывод, что он тут самый главный. Леха суетливо шагнул к машине, с намерением достать из нее деньги. «Шкафы» грозно повели бровями и выхватили из под курток пистолеты. Скорость была еще та. Леха замер и жалко улыбнулся. Крысеныш тоже улыбнулся, но от его улыбки у меня мгновенно свело зубы.

– Ну что, друг мой Алексей, – противным писклявым голосом сказал тощий парень, – как там поживают мои «бабульки»?

– Все хорошо, – срывающимся от страха голосом, произнес Леша и указал на машину, – они там, в машине.

Леха снова сделал шаг к машине, но снова замер под дулами пистолетов.

– Пусть малец принесет, – усмехнулся парень. Леха открыл рот и посмотрел на меня, но под моим взглядом сразу закрыл его и, судорожно сглотнув, кивнул. Я медленно вы-

нул из машины пакет и столь же медленно пошел к крысенышу. Один из телохранителей преградил мне дорогу и осторожно взял пакет, предварительно заглянув внутрь.

– Чего там? – нервно спросил тощий.

– Деньги, – ответил телохранитель и передал ему пакет.

Крысеныш вытряхнул содержимое на капот машины и быстро пересчитал.

– Все на месте? – робко подал голос Леха.

– Закрой пасть, – грубо прервал его другой охранник. Леха послушно заткнулся. Тощий сосчитал деньги, сложил их обратно в пакет, небрежно кинул его на сиденье машины и пошел к нам вихляющей походкой. На мой взгляд, он слишком часто смотрел фильмы Тарантино. Леха напрягся, я тоже. События принимали дурной оборот.

– Так что, друг мой ситный, – мерзко улыбаясь, произнес тощий, – тебе когда было сказано деньги вернуть? А ты бегать от нас вздумал?

– Я не бегал, – проблеял Леха, – я деньги собирал...

Тощий вдруг ударил Леху по лицу. Ударил, казалось, несильно, однако Леха рухнул на землю. Я успел заметить в руке тощего кастет и непроизвольно дернулся. Тут же один из громил вlepил мне затрещину и своей пудовой ручищей пригнул к земле. Леха поднял лицо. Его нос был разбит, на землю тонкой струйкой стекала кровь. Тощий с наслаждением пнул своей лакированной туфлей по Лехиной физиономии. Тот упал на спину, взыв от боли. Я почувствовал, как

из пальцев ног жаркой волной к горлу на меня накатывает ярость. Тощий презрительно усмехнулся, глянул в мою сторону, а потом, небрежным картинным жестом выдернув из кармана пачку сигарет, отрывисто бросил парням, настороженно наблюдавшим за происходящим:

– А пристрелите-ка их! – сказал он и закурил, картинно выпустив дым, как ждущая клиента проститутка. Однако еще до того, как он это сказал, я понял, что сейчас нас будут убивать. Леха приподнялся и совершенно безумными глазами посмотрел на крысеныша. Тот усмехнулся и уселся на капот машины, смоля сигарету и выпуская дым в пасмурное небо. Удерживающий громила, швырнул меня на землю и поднял пистолет, целясь мне в лоб. Леха тихо пискнул. Теплохранитель надавил на курок, но выстрела не последовало. Пистолет стоял на предохранителе. Тот смачно матюгнулся и протянул вторую руку к пистолету.

Взвившись вверх, я резким движением вонзил нож в сонную артерию громилы. Странно хрюкнув, тот выкатил глаза и начал падать на меня. Из его шеи фонтанировала кровь. Я мгновенно выхватил из его рук пистолет, снял с предохранителя, передернул затвор и перекатился в другое место, сделав кувырок. Два других громилы испуганно дернулись и подняли пистолеты. Однако я успел сделать два выстрела раньше. Один из громил с дыркой между глаз медленно сползал по капоту машины, второй пытался спрятаться за ней и палил в меня. Крысеныш верещал и пытался укрыться в кустах. Я

выстрелил еще раз. Телохранитель упал на землю. В этот самый момент, взревев мотором, на меня помчался «Мерседес». Я выстрелил еще дважды. Пули оставили в лобовом стекле две дырки. «Мерседес», пролетев мимо меня, клюнул носом и со страшным скрежетом рухнул в карьер. Оставив Крысеныша на потом, я подошел к другому «Мерседесу», не сводя с него ствола. Шофер, тихо поскуливая и держась рукой за промежность, лежал на полу, стараясь укрыться от меня. На какой то миг во мне разыгралась жалость, и я опустил пистолет. Шофер неожиданно сунул руку под кожаный пиджак, и я выстрелил ему в голову. Тот дернулся и затих. Из-под полы выпал маленький курносый револьвер. Я облегченно вздохнул и повернулся к Крысенышу.

Человеческий чувства махом улетучились, когда я увидел, с какой злобой и ненавистью, смешанной со страхом, смотрит на меня этот человечиска. Он лежал на земле, делая жалкую попытку отползти в кусты. По мере того, как я приближался к нему, ужас все отчетливее проступал на его перекошенной физиономии. Леха поднялся с земли и. Вытирая кровь с разбитого носа, поплелся к нам. Я медленно поднял пистолет. Крысеныш противно заверещал и бросился ко мне в ноги. Я с наслаждением пнул его ногой.

– Не надо, Пуля, – попросил Леха, трогая меня за рукав, – путь живет.

– Раньше надо было думать, когда ты ему в карты проигрывал, – зло сказал я. – А теперь нет пути назад. Я пятерых

уже положил. Он свидетель, жизни нам тогда не будет...

Крысеныш взвизгнул и попытался вскочить и убежать. Первая пуля попала ему между лопаток. Я подошел ближе и пустил еще одну в затылок. Леха отвернулся, его вырвало. Я вытер ставший ненужным ПМ и сунул его в руку одного из мертвых телохранителей. Хотя смысла в этом не было никакого, все равно все были убиты из одного пистолета. Вряд ли экспертиза ошибется и признает, что парень застрелился сам с расстояния в три с половиной метра.

Бредя, как старик, Леха пошел к машине. Я отобрал у него ключи и сам сел за руль. Щеки Лехи тряслись, лицо было веселенькой зеленоватой расцветки. Я завел машину, и мы тронулись с места. На душе было погано, хотя эмоций не было. Вообще не было. Я запретил себе думать о шестерых мертвецах, медленно остывающих у карьера.

– Ну, ты зверь, Пуля, – глухо произнес Леха. В его голосе был страх и плохо скрываемое восхищение.

– Не называй меня Пулей, – раздраженно произнес я.

– Почему? Если бы не ты, лежал бы я там сегодня...

– Заткнись, несчастный! – проорал я, поскольку Лехина болтовня отвлекала меня от мыслей. Леха совету не внял.

– А ты круче, чем я думал! Бах, бах – и они с дырками в башке. Я бы так не смог...

Я двинул Лехе локтем в живот, и он, наконец, заткнулся, хватая воздух. Что-то важное промелькнуло у меня в голове.

– Нас ждали, – наконец промолвил я. – Машина на обочи-

не. Девчонка сообщила, что мы едем. Значит, кто надо знает, с кем встречался этот тощий ублюдок. И это мне не нравится. Кто он был такой?

Леха поерзал на месте и неохотно произнес:

– Толик Бешенный...

Я резко затормозил. Леха, не пристегнутый ремнем, тюкнулся башкой в лобовое стекло.

– Кто?!!! – проорал я.

– Толик Бешенный, – проблеял Леха, со страхом глядя на меня. Мне немедленно захотелось повеситься.

Толик Бешенный в нашем городе был фигурой известной. Я много раз слышал о нем, хотя видеть не приходилось ни разу. Его папаша, известный бандюга, заправлял третью нашего города. Правда, официально с преступной деятельностью Кирилл Зуев, по прозвищу «Бек», завязал давно и теперь занимался предпринимательской деятельностью. Однако, дела за ним тянулись темные, поскольку так разбогатеть в весьма короткие сроки можно только одним путем – нечестным. Зуев корчил из себя мецената, фотографировался в обнимку с детьми и местными красавицами, щедро раздавал деньги на благотворительность и метил в депутатское кресло. Большая часть магазинов, бензоколонок, две фабрики в городе принадлежали ему.

Сыночек Бека становится добропорядочным гражданином не спешил. Он собрал шайку таких же отморожков, каким был сам и промышлял поборами с ларьков и рынков.

Бешенным Толика прозвали за крутой нрав. Не побоявшихся вступить с ним в единоборство после находили с пулями в голове на пустыре или в местном Гудзоне. По городу долго ходила история о девушке, отказавшей Толику в притязаниях. Девушка собиралась замуж, поэтому тщедушный Толик сердца строптивой красавицы растопить не смог. Однажды девушка не вернулась с работы домой. Ее нашли через три дня в лесу, где она, совершенно голая, бродила среди берез и сосен. После того, как Толик и его дружки в течение суток насиловали ее, девушка сошла с ума. Говорят, что в психбольнице, куда ее отвезла бригада «скорой помощи» она посидела спустя два дня.

Особыми пристрастиями Бешенного были карты, выпивка и езда на скоростных автомобилях. Леха, стремившийся приблизиться к городской элите, частенько выпивал вместе с ним в казино, где просаживал отцовские деньги. И вот теперь он задолжал Бешенному... Мысль о том, что с нами сделает Бек, заставили меня поежиться. Мы ехали быстро. Столбы так и мелькали, вызывая неприятные ассоциации. Двух столбов для нас с Лехой будет вполне достаточно. И будем мы висеть на них, покачиваясь под ветерком, а потом про эту дорогу будут рассказывать истории типа: «мертвые с косами висят и тишина...».

– Ты деньги оставил? – спросил я.

– Нет, забрал. А надо было оставить? – со страхом спросил Леха.

– Теперь уже все равно. Если знали, куда она поехал, то все равно нас найдут, а если не знали – то, может быть, нам повезет.

Леха позеленел еще сильнее, хотя, казалось, это уже невозможно, и покрылся модными в этом сезоне фиолетовыми пупырьками.

– А если найдут, то что будет? – глупо спросил он.

– Ой, Леха, тут и без гадалки все ясно. Жизнь наша будет короткая и неприятная...

Я въехал в Лехин двор и остановился у подъезда. Леха выполз из машины и с надеждой посмотрел на меня.

– Зайдешь?

– Нет, спасибо, – вежливо отказался я, памятуя, что после подобных (хотя вместе с Лехой мы никого не убивали) казусов Леха, как правило, начинает каяться и бить кулаками в грудь. Зрелище явно не для слабонервных. – Войдешь, мигни светом.

Леха торопливо кивнул и двинулся к подъезду. Я свистнул и позвал его обратно.

– Чего? – спросил он.

– Ничего. Собирай манатки, бери «бабки» и мотай из города. Скинешь мне потом на электронку, что с тобой все в порядке, когда до места доберешься. Я тебе потом сообщу, когда можно вернуться.

Леха еще раз кивнул, и пошел было к дверям, но потом вернулся и стиснул меня в своих медвежьих объятиях.

– Спасибо, Севка. И прости меня за все.

– Прощаю, – ответил я. – Перед смертью положено все прощать.

Леха отвесил мне подзатыльник.

– Сплюнь, накаркаешь.

Я трижды сплюнул через левое плечо. Леха, глубоко подумав, сделал то же самое, наплевав мне на водолазку. Я пнул Леху под зад и отошел в сторону. Леха направился к себе. Через несколько минут, в его окнах мигнул свет. Я постоял еще немного и направился к себе, надеясь на лучшее. В этот момент хлынул дождь. Чертыхаясь, я встал в какой-то арке, собираясь переждать непогоду. Дождь перешел в град, а потом вообще полил, как из ведра. Я долго стоял в чужом дворе, обдумывая сложившуюся ситуацию, потом сел на какую-то трубу и оперся о стену спиной. Страх не было, только странная пустота и желание забиться в щель и переждать... Как тогда... Дождь лил несколько часов. Когда ливень превратился в мелкий морозящий дождик, я отправился домой, желая только одного – чтобы Леха успел свинтить из города.

Я успел войти в квартиру и зажечь в прихожей свет. Я успел увидеть на кухне перевернутый стол и тело отца, а потом кто-то ударил меня по голове. Боль молнией рассекла мои мозги. Падая в звенящую пустоту, я успел сообразить, что у Лехи не было времени уехать из города...

... Чеченцев было слишком много, это капитан Кузнецов понял довольно быстро, когда он сам и крохотная горстка его бойцов оказались отрезанными от расположения части на вершине небольшой горы. Место для засады «черные» выбрали идеальное: справа обрыв, слева отвесная скала, впереди и сзади смерть. А бойцов было всего трое, не считая самого Кузнецова. Здоровенный дембель Рафик Галикберов был невозмутим и лишь сосредоточенно вертел головой по сторонам. Рыжеватый «черпак» Миша Николаев трусовато жался к скале и озирался по сторонам, непрерывно пуская газы, что дико раздражало Кузнецова. Третьим был Сева Тулин, совсем пацан, отслуживший от силы полгода. Тулин числился в снайперах, но в боях побывать еще не успел. Сегодня Кузнецов взял этих троих с собой и отправился в город, дабы кое-что купить. Николаев, если честно, напросился сам, а потом всю дорогу ехидненько измывался над «духом» Тулиным, пока Рафик не приказал ему заткнуться. Однако даже после этого Миша не угомонился, бросая реплики, которые ему самому казались чрезвычайно остроумными. Тулин стоически терпел и только презрительно усмехался. Кузнецов почувствовал, что ему нравится этот маленький худенький паренек, тащивший огромный вещмешок без единого слова жалобы.

«Черные» окружили их на полдороги. Еще в городе Кузнецову казалось, что за ними постоянно следят десятки настороженных глаз, но прежде ему никогда не приходилось попадать в засады. Капитан наивно понадеялся, что судьба его хранит. На этот раз судьба по всей вероятности уснула.

И вот теперь они остались вчетвером, зажатые на неудобной тропинке. И выхода не было. Надо было пробиваться с боем или ждать подмоги. Кузнецов передал по радиации координаты, практически крича в «Тантал». Автоматная очередь чиркнула прямо над головой. На Кузнецова посыпалось каменное крошево. Николаев по-бабьи взвизгнул и упал на землю, прикрывая голову руками. Галикберов, укрывшийся за большим валуном, палил по «черным» короткими очередями, отчаянно матерясь. Кузнецов оглянулся по сторонам, ища Тулина и не сразу его заметил. Паренек забился в какую-то крохотную щель между камнями и целился из своего АКС в невидимую Кузнецову цель позади них. Через пару секунд его автомат выплюнул длинную очередь выстрелов. Кузнецов с удивлением услышал совсем рядом длинное проклятие на чужом языке, крик и шумное падение вниз со скалы. Их окружали.

Кузнецов пнул Николаева в бок. Тот поднял голову, и капитан увидел совершенно ополоумевшее лицо.

– Вставай, урод, а то я тебя сам пристрелю, – пригрозил Кузнецов. Николаев отчаянно замотал головой, Кузнецов пнул его еще раз. Миша поднялся, дрожащими руками

поднял свой автомат и, пригибаясь, пополз на подмогу к Галикберову. Кузнецов подбежал к краю каменистой тропинки, где Тулин длинными очередями сдерживал отряд чеченцев. АКС паренька ненадолго смолк, у Севы кончились патроны. Тулин мгновенно отшвырнул пустой магазин, вытащил из подсумка новый, передернул затвор и вновь нажал на курок. Кузнецов увидел, как из-за валуна выглянула голова со спутанными черными волосами. Капитан выпустил в том направлении короткую очередь, практически не целясь. Голова исчезла. Капитан понял, что промахнулся. Тулин повернул голову и посмотрел на него. Лицо Севы было злым.

В этот момент позади что-то бабахнуло. Кузнецова и Тулина засыпало мелкими камнями, землей и лохмотьями травы, выдернутой из земли. Кузнецов обернулся. Рафик, скорчившись, валялся на земле, держась руками за живот. Из-под пальцев у него текла кровь. Николаев лежал на спине, вытаращив в небо свои белесые глаза. Из-за рта текла густая темно-красная струйка. Миша был мертв. Тулин короткими перебежками достиг валуна, оттащил Галикберова в сторону и посмотрел на Кузнецова. Взгляд был холодным. Рванув на Рафике китель, Сева приложил к ране сложенный в несколько раз бинт, который достал из кармана. Рафик взвыл от боли. Тулин прижал его руки к ране, не особо церемонясь.

– Держи так, не отпускай, а то сдохнешь, – прорычал он и, заняв недавнюю позицию Рафика, начал стрелять. Рафик послушно прижал бинт к ране. Кузнецов зорко оглядывался по

сторонам, время от времени выпуская короткие очереди по появляющимся чеченцам. Патронов осталось мало. Со стороны Тулина появился человек в потрепанном камуфляже и замахнулся рукой. Тулин выстрелил, и граната в руке чеченца взорвалась прежде, чем тот успел ее бросить. Последний магазин Миши Николаева делили по-братски, на двоих, выщелкивая патроны. Тулин стрелял одиночными, экономя и старательно целясь. Однако чеченцы не стремились высываться. Сколько их осталось там, с обеих сторон, не знали ни Кузнецов, ни Тулин.

Автоматные очереди ударили после двух часов осады со стороны части. Поначалу Кузнецов подумал, что на подмогу к «черным» пришли другие и только потом, когда чеченцы стали стрелять в другую сторону, а потом и вовсе затихли, понял, что пришли свои. Сева повернулся к Кузнецову и оперся о валун спиной, с наслаждением вытянув ноги. На грязном лице с посеревшими губами не было никаких эмоций. Глаза были тусклыми и мертвыми.

– Живы? – раздался голос позади. Это был прапорщик Вяхирев, вместе с десятью бойцами. Они быстро подавили сопротивление чеченцев и даже взяли в плен двоих. Тулин медленно поднялся с земли.

– Мишу убили, а Рафик ранен в живот. Сам не дойдет, надо его отнести, – сказал он, поднимая с земли автоматы Галикберова и Николаева.

Голос Тулина был странным, лишенным интонаций, слов-

но эти слова произнесла машина. Солдаты оторопело смотрели, как Сева на подгибающихся ногах подошел к двум пленным, стоящим на коленях с руками на затылке. Два взрослых мужика, с заросшими лицами с ужасом смотрели на худенькую фигурку в пыльном камуфляже, на мальчишеское лицо с глазами старика. Не сговариваясь, они упали Севе в ноги, бормоча молитву на своем языке.

– Ну, ты крут, Пуля, – произнес один из бойцов, с уважением глядя на Севу. Тулин не ответил, но взгляд, который он бросил на пленных не предвещал ничего хорошего...

* * *

Мне снилось, что моя голова – стеклянный аквариум, набитый погремушками. А еще, что этот аквариум трясут все, кому не лень. Весь мир вокруг меня был заполнен какофонией звуков, которые странным образом сочетались с могильной тишиной и холодом.

Мне было холодно, меня тошнило, мне было сыро и как-то неуютно. Даже с перепоя прежде я не испытывал таких ощущений. Правда, пить я не люблю, разум за телом не успевает. Еще меня преследовал странный запах, который ассоциировался с больницей. Запах спирта, лекарств и чего-то еще, такого знакомого и неприятного. Рядом со мной лежало что-то холодное и липкое, которое премерзко воняло, от чего тошнота только усиливалась. Спина совершенно онемела,

точно я лежал на льду.

Я открыл глаза. Надо мной был потолок. Самый обычный потолок с мокрыми пятнами, весь в синюшных разводах и с громадными гирляндами паутины. Тусклый свет одинокой лампочки был не в силах развеять темноту. Стены были выкрашены в мерзкий синий цвет. На окне чахнул жалкий фикус. У стены стоял колченогий стол со стеклянными пробирками, блестящими медицинскими инструментами и кипой разных бумаг. В углу находился абсолютно пустой стеклянный шкаф, и только на его нижней полке одиноко скучала здоровенная бутылка с гордо выведенной надписью «спирт». Значит, я все-таки находился в больнице. Только вот палата была какая-то странная. Темная, сырая и больные лежали тихо, словно неживые, и почему-то по двое. Да и кровати подозрительно напоминали столы. Это мне не понравилось. Я повернул голову, чтобы узнать, кто лежит в паре со мной, и едва не скончался на месте.

Моим соседом был самый настоящий труп. Абсолютно голый мужик с изуродованным лицом и культей вместо левой руки. На синей груди красовалась еще более синяя татуировка голой женщины и подпись «Не забуду мать родную». Я попытался приподнять голову. С третьей попытки мне удалось это сделать.

Это была не больница. Это был морг. Покойники вповалку лежали на столах по два, по три. В центре на узком столе, лежал покойник, со вскрытой грудной клеткой. Самым

примечательным в этой картине было полное отсутствие головы трупа. Шея выглядела так, будто голову отхватила акула. На животе покойного валялся самый обычный бутерброд с колбасой с откушенным краем. На полу валялась бутылка из-под водки. Я мотнул головой, дабы отыскать своему взору что-то более приятное. Взгляд немедленно наткнулся на листок, прикрепленный к стене. Там каллиграфическим почерком красной тушью был выведено: «Каждый человек по-своему красив изнутри. Копирайт патологоанатом Сидоров.» «Смешно, – подумал я – до усрачки.»

Я осторожно спустил ноги со стола. Голова болела и, казалось, медленно вращалась вокруг своей оси. Меня тошнило и тянуло проблеваться, но рвотные спазмы вытолкнули из желудка только сгустки зеленоватой желчи, вперемешку со слюной. Я слез со стола и попробовал сделать несколько шагов. Это почти удалось. Я сделал целых два шага, а потом упал на пол, едва не разбив себе нос. Неизвестно почему, мне вдруг стало невероятно смешно. Я хихикнул, но тут же смолк – малейший звук набатом бил по вискам. Собрав в кулак всю волю, я снова поднялся. В глазах плыло и двоилось. Я почувствовал, что мне невероятно холодно и посмотрел на себя. Я был голым, что неудивительно. Местный контингент не щеголял нарядами от Кардена. Кое-кому везло, и его накрывали бурами от крови, невероятно грязными простынями – вот и весь шик! Мне стало совсем плохо. Я с трудом подошел к двери и потянул на себя, желая выйти наружу. Дверь

не поддавалась. Я толкнул ее – тот же результат. Дверь была заперта. Я подавил смешок. Можно подумать, что местные жители совершают променады. Запирать морг, на мой взгляд, было бессмысленно.

В другой ситуации, мне стало бы жутко находиться в одной компании с покойниками, но в тот момент мне было все равно. Я устало оперся о стену. Мне хотелось умереть. Сколько я так сидел, не могу сказать. Подняла меня мысль о родителях и сестре. Пошатываясь, я начал обходить столы и осматривать трупы.

Поначалу в голове тупо билась только одна мысль: почему их так много и почему все так жутко выглядят, но сил на отгадку не оставалось. Первым я нашел отца. У него была разбито лицо. В груди было два пулевых ранения. Мать лежала на соседнем столе с пулей в голове. Очень долго я искал сестру, надеясь, что ее все-таки здесь нет. Но мои надежды рухнули. Маленькое тельце лежало в углу, прикрытое простыней. Я хотел заплакать, но слез не было, только ярость. Ярость, слепая и безжалостная, словно отрезвила мою голову. Какое-то время я сидел, тупо уставившись в стену, а потом поднялся и принялся действовать. Мне требовался труп, труп молодого парня моего возраста, чтобы выдать его за меня, желательно безымянный. Раз уж я остался жив, – этим следовало воспользоваться. Часто останавливаясь, хватаясь за столы, я рыскал среди мертвых тел, придирчиво оглядывая трупы. Меня тошнило все сильнее, но я не останавливал-

ся, поскольку за окном уже светало. Вскоре я нашел подходящую замену. Молодой парень с травмой головы, лежал в дальнем углу комнаты. То, что он не слишком похож на меня, не слишком беспокоило. Вся моя семья в морге – стало быть, пока никто не предъявил на них никаких прав. Опознавать меня пока будет некому, а там я что-нибудь придумаю.

Я рывком поднял труп со стола... и упал на пол вместе с ним. Тело парня было совершенно одеревеневшим. Я стиснул зубы и снова попытался поднять его. Это получилось почти сразу, с пола это было делать легче, чем со стола. Труп был невероятно тяжелым, тащить его было неудобно и противно. С трудом волоча труп по полу, я продвигал его к своему бывшему ложе, где на желтой бумажке было выведено мое имя. Подтащив тело к столу, я поднял его с пола, намереваясь уложить на свое место.

В этот момент дверь открылась, и на пороге появился какой-то хиленький мужичонка с бутылкой в руке. Он замер в дверях, вытаращенными от ужаса глазами, уставившись на двух покойников, которые в обнимку стояли посреди комнаты. Надо сказать, что труп, который я держал в объятиях, выглядел жутковато – у него была содрана кожа с половины лица, другая половина была синего цвета. Я, наверное, выглядел не лучше. Мужичок икнул, переводя взгляд с меня на покойника. «А чего нас бояться!» – подумалось мне.

– Гав! – рыкнул я.

Бутылка выпала из рук мужичка и разбилась о пол. Закатив глазки, мужик сполз по косяку на пол. Я уложил труп на стол и подошел к нему. Здесь меня ожидал очередной сюрприз – мужик был мертв. Наверное, я напугал его до такой степени, что сердце не выдержало. Но мне некогда было скорбеть над ним. Я стянул с мужика старое спортивное трико, снял рубашку и разлезшиеся, просящие каши сандалии. Теперь дорога была открыта. Я вышел из морга, оглядевшись по сторонам. Вокруг не было ни души, что меня ничуть не удивило. Я пошел по коридору, стараясь определить, где в этом помещении выход.

Выход я нашел, да вот толку в этом не было. Напротив него сидела какая-то бабулька в белом халате с книгой в руках. То, что дежурная медсестра не спит, мне не понравилось. Делать ей нечего, что ли? Я попятился и пошел обратно. Нужно было найти другой выход.

Вскоре я его нашел. Одно окно было открыто и затянуто марлей от комаров. Недолго думая, я забрался на подоконник, оторвал сетку, и выпрыгнул наружу. Сразу под окном были кусты, в которые я и свалился. К счастью, это был первый этаж. В тот момент я плохо соображал, мог и не обратить внимания на то, что нахожусь, например, на крыше небоскреба... Хотя, какие в нашем городе небоскребы... Самое высокое здание насчитывало десять этажей.

Выйдя на улицу, я бдительно огляделся по сторонам, что далось мне весьма нелегко. Меня зашатало. С трудом спра-

вившись с головокружением, я оглядел улицу на предмет патрулей. Милиции не наблюдалось, что меня порадовало. На тот момент я сильно смахивал на пьяного или обколо- того. Не хватало только загреметь в вытрезвитель или даже больницу. В моем положении этого допустить было нельзя. Я знал, что я нахожусь на другом конце города. Теперь мне требовалось добраться до дома.

Времени это заняло довольно много, несмотря на то, что окольными путями и напрямик до моего района можно было добраться за полтора часа. Рассуждая логически, домой мне соваться было нельзя. Ни к чему допускать слухи о сбежав- ших из морга покойниках. Но идти мне особо было некуда. Да и потом, моя квартира – это самое подходящее место, где я могу отлежаться. Именно там у меня спрятаны деньги. Есть надежда, что менты их не нашли. Только вот напролом лезть не надо.

Как я и предполагал, квартира была опечатана, но меня это не смутило. Я живу на втором этаже, и забраться на бал- кон по решеткам лоджии первого этажа для меня было не слишком трудно даже в моем теперешнем состоянии. Отец собирался застеклить наш балкон, да так и не успел. Теперь это обстоятельство сыграло мне на руку. Балконная дверь была заперта, но меня уже не могло это остановить. Я выда- вил стекло, стараясь делать это как можно тише. Получилось неважно. Стекло с сухим хрустом посыпалось внутрь. Я от- крыл дверь и вошел внутрь. Солнце уже выбросило первые

лучи из-за горизонта. Следовало поторопиться, пока на улице не появились ранние прохожие и собачники.

Я влез в квартиру. Под ногами хрустело битое стекло. В квартире царил беспорядок, но я старался не обращать на него внимания, как не обращал внимания на контуры человеческих тел, обведенные мелом. Сейчас меня занимало только одно – нашли ли милиционеры спрятанные деньги. Я аккуратно вскрыл тайник в ванной комнате, и мое сердце на миг потеплело. Деньги были на месте, как и загранпаспорт и еще кое-какие бумаги. Я выгреб все и пошатываясь, пошел в спальню. Остатки сил покинули меня. Там я упал на кровать и мгновенно уснул, уже не вспоминая о том, что в квартире была убита вся моя семья.

* * *

Когда я открыл глаза, занимался рассвет. Я долго не мог сообразить в чем, дело, а потом воспоминания вновь нахлынули на меня. Я оторопело смотрел на поднимающееся солнце, не понимая, как это я умудрился выспаться за считанные минуты. И только потом пришла спасительная мысль, что, по-видимому, я проспал сутки.

Я встал с постели и поморщился: голова по-прежнему болела, хотя уже не так сильно. Я включил телевизор. Убавив звук до минимума. Диктор приятной наружности объявила, что сегодня шестнадцатое июня. Я медленно осел на пол. Ле-

ха пришел ко мне девятого. Интересно, сколько же я провалялся в морге? И сколько суток проспал на самом деле? Ножиданно мне стало смешно. Я упал на ковер, валяясь от истерического смеха, который незаметно перешел в слезы. Диктор, с невероятно серьезным лицом, что-то упомянула о прошедшей недавно трагедии. Электричка столкнулась с грузовым поездом по вине пьяного дежурного. В морге до сих пор лежит множество неопознанных тел. Я все смеялся. Вот почему в морге было столько трупов!

Сколько я так провалялся – не могу сказать. Я пришел в себя, осознав, что лежу на ковре и смотрю в потолок. Мне было очень плохо, но я уже мог здраво рассуждать. Мне был необходим план действий.

Я встал и начал методично рыскать по квартире, собирая в сумку необходимые мне вещи. В огромное синтетическое нутро полетела куртка-ветровка, спортивный костюм, пара джинсов, свитер, белье. Последними я упаковал несколько любимых компакт-дисков и CD-плеер. Поздно вечером, когда уже совсем стемнело, я сунул за пазуху семейную фотографию и вышел на балкон. Во дворе было тихо. Впервые я порадовался, что местная шпана побила лампочки у дворовых фонарей. В полной темноте, я спустился вниз и вышел со двора, закинув на плечо сумку. Я шел по улице, выбирая места потемнее. Не хватало еще встретить каких-нибудь знакомых! Идти особо мне было некуда, точнее, было всего одно место, где я мог безбоязненно отлежаться и составить

план действий. Я шел к Дрюне.

Дрюня служил со мной в армии. Точнее говоря, мы прослужили вместе всего три месяца. Он был моложе меня почти на два года. Я уже готовился уходить на дембель, а Дрюня только пришел в нашу бригаду. Поскольку он был моим почти единственным земляком, мы быстро сдружились. Я искренне к нему привязался, поскольку Дрюня был крайне интересным человеком.

Настоящее имя его было Андрей Рифель. Его отличительными чертами был исключительный пофигизм и странная нелюбовь к еде. Сосиски он варил таким образом: насыпал их в дуршлаг и ставил его под горячую воду. Пельмени он вынимал из кастрюли, едва они всплывали. Если я приходил к нему, то старался не есть, или довольствовался бутербродами. В их семье ходила история из детства Дрюни, когда его мать звала его к столу. «У-у-у, опять есть, вчера ели, сегодня уже ели, и опять есть...», – недовольно отвечал он. Мне это было непонятно, и всегда развлекало. Дрюня отличался невероятной худобой, и иногда сквозь него можно было увидеть рисунок на обоях. Удивить Дрюню было практически невозможно. Своим характером он сильно смахивал на флегматичного ленивца, который ел, что видел, спал, где придется, мылся от случая к случаю, преимущественно под дождем и прочее, прочее, прочее...

В последнее время Дрюню я видел редко. Он съехал от родителей и жил в однокомнатной хрущевке. Работать он не

хотел, и на жизнь зарабатывал весьма странным образом – торговал оружием. Где он его брал – оставалось для меня загадкой, но у Дрюни легко можно было найти и простенький ПМ и экзотический «Кольт» сорок пятого калибра и едва ли не складной вертолет. Дрюня мог достать все что угодно, были бы деньги. Именно к нему я сейчас и шел за помощью.

Застать Дрюню дома ранним утром были все основания. Около его дома я долго оглядывался по сторонам, прежде чем войти в подъезд. Неподалеку по асфальту бежал пенсионер-физкультурник с чахлой бородкой. Невиданной ранней пташкой выглядел бомж, роющийся в мусорных баках за домом. Найденный бутылки замурзанный страшилка складывал в не менее замурзанный пакет с надписью «стиль жизни». Я вошел в дом и направился к дрюниной двери.

Звонить пришлось достаточно долго. С утра Дрюня обычно бывал дома и спал до обеда. Днем и вечером застать его дома было сложнее. Наконец, за дверью послышались шаги. Замок щелкнул и передо мной предстал Дрюня в одних трусах в пошлый розовый цветочек и невероятно лохматой головой.

– Здорово, Пуля, – поприветствовал он меня. – Проходи.

Я прошел, ничуть не удивившись, что Дрюня при виде меня не упал в обморок. Он мог и не знать, что произошло. Однако я ошибся. Мы прошли на кухню и сели за стол.

– Водку будешь? – спросил Дрюня.

– Буду, – ответил я. Дрюня вынул из холодильника почва-

тую бутылку «Русской» и разлил по стаканам. Рюмок он не признавал в принципе. Я залпом выпил, Дрюня тоже, скривившись и сморщившись.

– Всегда уважал тебя, Пуля, за то, что водку ты пьешь, как воду, не морщась, – произнес Дрюня, закусывая каким-то огрызком огурца. Я не ответил.

– Тебя же вроде убили, – сказал Дрюня.

– Ага. Со мной это часто случается.

– А родаки?

– Им повезло меньше.

– Ясно.

Дрюня всегда мало говорил, но много делал. Сейчас он почесал в голове и задумчиво посмотрел на висящий над моей головой плакат Памеллы Андерсон.

– Бабки нужны?

– Нет. Помощь нужна.

– Чем могу помочь?

Я глубоко задумался.

– Во-первых, на первое время мне нужно место, в котором я могу отсидеться, и где меня никто не будет искать. На пару недель. Во-вторых, мне нужны кое-какие причиндалы по твоей части.

– Какие?

– Винтарь. Снайперский, какой-нибудь безликий. То есть, экзотики не надо, подойдет и обычный «Винторез» и патроны к нему. Пара пистолетов, лучше хороших и, естественно,

патроны. И еще кое-какие сведения, если сможешь узнать.

– Какие?

– Мы с Лехой сына Бека завалили, Толика Бешенного. Я хочу знать, кто из бойцов Бека был у меня дома. Леху, наверное, тоже убили?

– Ага. И Леху, и родителей его. Весь город на рогах: мэра как-никак грохнули. Я попробую потолкаться в узких кругах и узнать. Только есть ли смысл, Пуля? Бойцы там были по приказу Бека.

– Есть смысл. Только будь поосторожнее. Мне Лехи во как хватит, – я чиркнул себя пальцем по горлу.

– Собираешься на войну?

– А что делать? Жить с этим я не могу.

Дрюня глубоко задумался.

– «Винторез» у меня есть. Есть ПМ и ПСС. Но это дорого, Пуля.

Я бросил на стол пачку долларов. Дрюня присвистнул.

– Откуда дровишки?

– На квартиру копил. Возьми, сколько надо. И еще: моих надо похоронить. Там еще труп парня лежит неопознанный. Это буду я. Сделаешь?

– Сделаю. Пересидишь пока у нас на даче. Мы там не показываемся, времени нет. Мать тем более все равно сейчас в отпуск собралась в деревню к своим. Так что живи, не бойся, но на улице лишний раз не светись, мало ли. Вдруг соседи появятся.

– Не учи, знаю. Ключи давай.

Дрюня ушел за ключами. Вернувшись, он бросил их мне.

– Держи. Когда тебе стволы подождать.

– Через пару недель. Я должен отлежаться. Они мне по башке дали, сотрясение, наверное, я себе заработал. На дачу не приезжай, сам приеду и вообще, поаккуратнее будь. Если узнать об этих скотах будет тяжело – не рискуй, и не светись. Мало ли... Самое главное – я умер для всех. Меня никто не видел, кроме тебя. Эту политику и веди. Если спросят для кого стволы...

– Я скажу, для заезжих гастролеров, – закончил Дрюня за меня.

– Молоток. Я пойду, пока еще не слишком поздно. А то народ начнет ходить, еще увидит кто-нибудь.

Дрюня проводил меня до дверей. Я уже был на лестничной клетке, когда Дрюня догнал меня.

– Деньги забыл, – сказал он.

– Не забыл, тебе оставил.

– Да я взял уже сколько надо, и на пушки, и на похороны.

Остальные забери.

Я сунул деньги в карман и пошел вниз.

– Пуля, ты это... Ты береги себя, – сказал Дрюня мне вслед. Я обернулся и посмотрел на него.

– Постараюсь, – ответил я.

Дрюня приехал через неделю, когда я спал. Спал я днем и ночью, поскольку состояние мое было далеко от совершенства. Часто меня тошнило, голова болела и кружилась. Я плохо ел и много спал, так как спать хотелось постоянно. Я проснулся поздно вечером, и спустился вниз, дабы сходить в туалет. Дача у Дрюни была замечательная – недостроенный двухэтажный домик и практически полное отсутствие людей. Соседние дома были уже почти все разобраны злыми мародерами, а вот дом Дрюни они почему-то не трогали. Дрюня рассказывал, что однажды он установил на огороде растяжку. Какому-то бомжу оторвало ногу, с тех пор на даче было тихо. Менты к Дрюне не цеплялись, поскольку происшествие на даче по какой-то причине вообще не узнали, что подтвердило мое негативное мнение об их работе.

Дрюня сидел на первом этаже, привалившись к стене и слушая мой плэйер. На его лице было выражение полного блаженства. Я подкрался к нему и щелкнул по носу. Дрюня подскочил и вытаращил глаза. Я усмехнулся.

– На посту спишь, боец?

– Господи, Пуля! Меня чуть кондратий не обнял! Я же с балластом!

– Что слушал?

– «Арию». Не возражаешь?

– Нет. Плющило и тарачило?

– Ага.

– Принес?

– А как же.

Дрюня подтащил ко мне объемную сумку. Я вынул из нее разобранный винтовку, завернутую в промасленную тряпку. Вслед за винтовкой я извлек из сумки завернутый в такую же тряпку пистолет и объемную коробку с патронами. Дрюня молча смотрел, как я собираю «Винторез» и проверяю пистолет.

– Пристреляй, – посоветовал он.

– Не учи отца стებაься, – ответил я, заглядывая в ствол винтовки. – Жрать будешь?

– Буду.

Я разобрал винтовку и сложил ее обратно в сумку, а затем собрал на стол нехитрую еду. Дрюня молча пододвинулся поближе к еде и начала есть. Мы молча жевали. О чем думал Дрюня, мне было неизвестно, но лицо его было мрачным. Мои же мысли были невеселыми.

– Ты узнал, то, что я просил?

Дрюня отодвинул в сторону банку тушенки и тяжело вздохнул.

– Такое дело, Пуля. Не получилось у меня. Задал я пару вопросов, а дальше не рискнул. Интерес нехороший появился. На меня косо смотреть стали. А парень, у которого я спрашивал, мне потом сказал: «Не суйся, мол, пока тебя не зако-

пали самого». Извини.

– Ладно. Я же сам тебе говорил, не рискуй. Я уж сам как-нибудь. Моих похоронил?

– Ага. И родителей, и сестру... и тебя. На кладбище пойдешь?

– Потом. Когда все кончится. Если доживу.

Дрюня с сожалением посмотрел на тушенку, но доедать не стал.

– Ладно, пойду я тогда. Ты здесь останешься?

– Нет, разве что на сегодня. Утром уеду, чтобы тебя не подставлять. Ты больше в это дело не суйся.

Дрюня тяжело вздохнул и потопал к дверям. Проводив его взглядом, я забрал сумку с оружием и отнес ее наверх. Там я лег на свою раскладушку и долго лежал без сна, потом не выдержал, собрал винтовку и положил ее с собой рядом. Теперь мне было спокойнее. Я уснул почти сразу, даже голова перестала болеть. Только снов в эту ночь не было никаких, ни плохих, ни хороших. Организм усиленно требовал войны...

* * *

Приблудная собачонка, которую бойцы окрестили Маджахедом, скулила, словно чуяла беду. Ни здоровенный кусок тушенки, ни ругань не помогали. Пес скулил и косил своим загадочным взглядом на Кузнецова. Недавний капитан,

а теперь уже майор, недовольно посмотрел на пса, поминая недобрым словом его маму, и поднялся. Пес наверняка хотел по своим собачьим делам. Однако собака на улицу не пошла. Она продолжала сидеть у кровати Тулина и скулить.

– Ушел и тебя оставил? – спросил Кузнецов. – Так на задании он. Скоро придет.

Пес слабо вильнул хвостом и ненадолго заткнулся. Сева Тулин подобрал щенка на базаре, где тот почти подыхал от голода. Кроме Севы пес никого потом не слушал, полностью отдав свое сердце и преданность маленькому парнишке, который был ростиком едва больше своей снайперской винтовки. Иногда, входя в импровизированную казарму, а ранее школу, Кузнецов видел, как Тулин спит в обнимку с псом.

После той злополучной засады Тулина резко зауважали сослуживцы. Теперь никакой дискриминации по отношению к Пуле, не было. И хотя он отслужил всего чуть больше полгода, его выдержке могли позавидовать бывалые и искушенные в боях бойцы. Иногда Кузнецов задумывался о характере этого странного парня. Почитывая на досуге Канта и Фрейда, Кузнецов мнил себя великолепным психологом. Хотя здесь не было особого разброса в характерах. Парни были самыми обычными. Кто-то с гонором, кто-то напротив, веселый и благодушный, хотя даже на таких война наложила свой отпечаток. И только Пуля выбивался из общих рамок. Он мог молчать в течение дня, забившись в угол с книжкой, мог пить водку наравне со всеми, что выглядело несколько

необычно. Водка лилась в него, как вода, он не морщился, не закусывал, предпочитая запивать огненный напиток соком, а если оно не было, то просто водой. Хмелел Тулин плохо, водка его не цепляла. Крепко выпив, Сева молчал, а потом уходил спать. Иногда он веселился, как ребенок, отпуская шуточки, которые отнюдь не отдавали казарменным юморком. Кузнецов с удивлением отмечал, что уровень интеллекта у парня на порядок выше, чем у многих офицеров, не говоря уже о солдатах.

И все-таки было в Пуле нечто странное. Какая-то отчужденность, холодность, временами перерастающая в звериную жестокость. Словно невидимый барьер стоял между ним и другими солдатами. Он не стремился с кем-то дружить, он выжидал. Именно выжидал, как затаившийся перед атакой зверь, как замерший хамелеон, невидимый в своей мимикрии.

После засады, Кузнецов подошел к Тулину, который, сидел в казарме, опершись на винтовку, словно на трость. Лицо его было отрешенным и безжизненным. В такие моменты люди частенько ломаются.

– Тулин, ты как? – спросил Кузнецов. Парень поднял голову и посмотрел на него с хорошо разыгранным удивлением.

– Нормально, – ответил он. Голос звучал ровно, без надрывов и не монотонно.

– Точно нормально? Ты все-таки в людей стрелял.

– Людей там не было, – отрубил Тулин. На этот раз интонации были другими.

Дав себе слово понаблюдать за бойцом, Кузнецов оставил его в покое. К его удивлению, Сева нисколько не изменился. Он не стал серьезнее, так же привычно балагурия, не начал пить сверх меры. Он остался прежним странным пареньком немного не от мира сего. Убедившись, что с Тулиным все в полном порядке, Кузнецов махнул на него рукой, не до того было...

Пес, сидевший спокойно, неожиданно наострил уши и неуверенно гавкнул на дверь. За порогом раздались шаги. Вскоре в казарму ввалился сержант Сергей Чернов. Лицо его было серьезным.

– Что? – спросил Кузнецов. Не было времени на нормальный уставной доклад. Здесь все это слетало, словно шелуха.

– Товарищ майор, Пуля... То есть, Тулин и Галикберов...

– Что?!!!

– Пропали...

* * *

Прежде, чем начать действовать, следовало придумать, что именно делать и как. Поскольку никаких сведений о том, кто конкретно убил мою семью, у меня не было, а до Бека добраться пока я не мог, нужно было тщательно продумать ситуацию.

Вначале следовало где-нибудь осесть. Деньги, отложенные мною на покупку квартиры, теперь должны были послужить для другой цели. Таскаться всюду с оружием сложно, следовало его где-то сложить. Нельзя было выглядеть помятым, грязным, иначе начали бы цепляться менты, да и в таком виде невозможно было бы проникнуть в места, где обитал Бек – рестораны, казино и прочие значные места. Еще нужна была маскировка – то есть одежда. Внешность у меня была самая что ни на есть примечательная. Нацепи я на себя широкие джинсы и майку со скелетом – вот вам и тинэйджер, катающийся на роликах и малюющий граффити. Одень я белую рубашку, шелковые брючки, на нос очки с простыми стеклами, а в руки футляр от скрипочки – и на улице появлялся пай-мальчик из консерватории. Кожаные джинсы и тонкий свитер в обтяжку, зачесанные и смазанные гелем волосы превращали меня в ловеласа. Масок было много. А вот подействуют они или нет – здесь я ничего не мог сказать. Время покажет.

Я легко нашел однокомнатную квартиру, которую снял на три месяца, выдав себя за студента. Хозяйка квартиры была не слишком опрятна, квартира была захламлена, по ней пешком ходили огромные тараканы. Зато она имела массу преимуществ. Находилась квартира на четвертом этаже, рядом с балконом была пожарная лестница. Крыша соприкасалась с крышей соседнего дома, чердак которой не закрывался на замок. Я заплатил деньги и первым делом сменил

замок, дабы хозяйка квартиры не наткнулась на винтовку и пистолеты. Дверь была хиленькая, но укреплять ее я не собирался. После всех манипуляций с замком, я сбегал в универсам, купил там несколько аэрозолей против насекомых и протравил всю квартиру. Теперь, пока находиться в жилище было невозможно, я отправился по магазинам, дабы закупить нужную «униформу».

На это ушло довольно много времени. Когда я вернулся в свой новый дом, уже вечерело. В квартире всюду валялисьдохлые тараканы. Нестерпимо воняло отравой. Здраворассудив, что спать в квартире я пока не смогу, я вытащилновоприобретенный спальный мешок на балкон, предварительно расчистив его от хлама. К вечеру опять разболелась голова. Я сожрал две таблетки аспирина и улегся на боковую.

Добрый Дрюня снабдил меня кое-какими сведениями об окружении Бека и его команде. Кое-какой информацией я владел и сам.

Помимо Бека в городе заправляли еще пара бандитов. Извечным противником Бека был бывший спецназовец, а ныне «апельсин» Гога Сытин, по прозвищу «Большой». Бека он не признавал, но в последнее время, если верить разговорам в нашей «тусовке» бывших «чеченцев», задирает редко, убоявшись гнева самого большого человека в нашем городе. «Черным мэром» у нас был Тимофей Захаров по прозвищу «Захар», как это ни странно. Именно ему принадлежала самая крупная часть города и самые лакомые его куски. Особен-

но много я о нем не знал, однако имеющейся информации вполне хватало, чтобы я не желал иметь с ним ничего общего. Захар был умен, имел потрясающий аналитический склад ума и армию хороших специалистов в разных областях.

Трогать Захара я посчитал неразумным. И потом, мне он не сделал ничего плохого. Более того, о Тимофее Игоревиче ходили самые уважительные рассказы. А вот Бек и Сытин были для моих планов самыми подходящими кандидатурами. Идея моя была проста, как мир. Помнится, еще в армии я слышал, как отряд хитрых чеченцев, затесавшись между расположениями двух воинских частей, заставил их воевать друг против друга. Подобный финт я собирался проделать против Большого и Бека. Глупо и наивно было бы предполагать, что мне удастся просто так застрелить Бека. И потом, мне нужен был не только он, но и исполнители его приказа, а кто они, я не знал. Мне была нужна война, маленькая война в городе. Бек должен был понервничать, посуетиться. Если бы мне повезло, Большой убрал бы Бека сам. Если нет... Времени у меня много.

Я долго думал, нужно ли мне отыгрываться на семье Бека, но потом решил, что не стоит. Толик Бешенный уже лежал в могиле, на нем росли анютины глазки. Жену Бека я трогать не хотел, а маленькую дочь тем более. Они были не виноваты, что их отец и сын были такими сволочами. И потом, месть семье могла раньше времени вывести на меня, а я этого не хотел.

Утром я поднялся в шесть часов. Наскоро позавтракав, я отправился в центр города, где проживал Бек. Его здоровенный особняк из красного кирпича знала каждая собака в городе. Я приехал туда на общественном транспорте и засел неподалеку. На месте Бека, я снес бы к чертям собачьим бывший детский садик напротив своего дома. Садик давно закрыли, местные жители быстренько умыкнули нужные им стекла, шифер, деревянную обналичку, пол, частично разобрали кирпичные стены. Теперь это здание напоминало те самые дома, что я видел в Чечне, не хватало только надписей на стенах на чужом языке, и дырок от пуль. Это было подходящее место для наблюдения, а также для засады. Я устроился внутри здания, бдительно надзираю за улицей. Ждать пришлось недолго. Бек выехал из дома на собственном «Мерседесе», точной копии тех, на которых приезжал его сынуля на разборку с Лехой. Внутри машины я увидел еще две головы, не считая самого Бека: шофер и, видимо, охранник. Вслед за «Мерседесом» из ворот выехал джип «Гранд Чероки» с открытыми тонированными стеклами. Я криво усмехнулся: возьми я с собой винтовку – Бек уже давно отправился бы к праотцам. Выждав полчаса, я внимательно оглядел детский сад, дабы вычислить пути возможного отхода. Теперь мне следовало изучить расписание Бека. Всегда ли он выезжал из дому в половине восьмого или это был единичный случай. Затем я осторожно выбрался на улицу и отправился на автобусную остановку. Теперь мне нужен был Большой.

С Большим было гораздо сложнее. Если Бек делал вид, что занимается нормальным бизнесом, то Большой был полностью на нелегальном положении. Я ждал его весь день возле его дома, потом уже поздно ночью, я плюнул на это дело и пошел домой. Следовало выследить Бека.

В течение недели я сидел в своем укрытии, выглядывая свою потенциальную жертву. Бек выезжал из дома в одно и то же время. Исключение составляли только выходные. Большого мне удалось увидеть около дома всего один раз и то поздно ночью, когда я уже собирался уходить. Из всего этого я сделал вывод, что он чаще бывает в другом месте. Это место следовало вычислить. Кроме всего прочего, я высматривал бойцов той и другой группировки, запоминал их лица и старался выследить. Получалось плохо. Бойцы, как правило, разъезжались на машинах. Бежать за ними подобно Штирлицу и делать вид, что прогуливаюсь, не очень хотелось. Требовалось какое-либо средство передвижения. Поначалу я хотел приобрести машину, благо деньги пока были, но потом передумал. Удирать от погони удобнее было на мотоцикле, хотя в автомобиле гораздо удобнее было прятать оружие.

Суббота и воскресенье были у меня разгрузочными днями. Рано утром в субботу, я выехал на электричке за город, сошел на каком-то километре и отправился в лес. Там я пристрелял пистолет и винтовку. Дрюня не облажался, оружие было в полном порядке. Дорога обратно была более спокой-

ной. Я вяло смотрел в окно и почти не отреагировал, когда появился кондуктор. Билет я покупал на вокзале в оба конца, так что волноваться мне, в принципе, не стоило. Однако, когда из тамбура донеслось зычное: «Граждане, приготовьте билеты», я сонно поднял глаза и едва не провалился на месте. Вслед за кондуктором шли два камуфлированных омоновца, а перед ними бежала тощая овчарка. Я похолодел. Под скамейкой у меня лежала сумка с разобранной винтовкой и пистолетом. Срываться с места было поздно. Я придал лицу самое скучающее выражение, но внутри у меня все тряслось, как желе. Омоновцы трясли далеко не всех, обращая внимание больше на бичеватых личностей, а также на выходцев с Кавказа. Я сидел, затаив дыхание: может, пронесет?

Овчарка вдруг повела носом и повернулась в мою сторону, изобразив хищный оскал. Передний омоновец заметил это и тоже посмотрел на меня. Я ответил ему самым равнодушным взглядом. Псина рыкнула в мою сторону и сунула нос под лавку. «Кердык», подумал я. Как на грех даже пистолет лежал в сумке, не было никакой возможности поспорить с рослым омоновцем, вооруженным «Калашниковым». Собака коротко взвыла и царапнула лапой сумку.

– Ваша сумка? – строго спросил боец и как-то нервно повел спиной, чтобы удобнее было дотянуться до автомата.

– Его-его, – подтвердила сидящая напротив бабулька, стремившаяся услужить народной власти. Я хмуρο кивнул.

– Откройте, – приказал омоновец. Второй боец тоже по-

дошел ближе и посмотрел на меня еще строже. Я вытащил сумку и потянул молнию в сторону.

Псина резво рванула вперед и выхватила лежащий на самом верху чебурек, купленный еще на пути в лес. Схомякав, обалденно пахнущую выпечку, собака удовлетворенно гавкнула и, вильнув хвостом, преданно уставилась на хозяев. Омоновцы смутились и попятились в сторону, потянув пса за собой. Я с трудом перевел дыхание, застегнул сумку и запихнул ее под лавку, посмотрев на соседку так, что ее слегка перекосило. Через минуту бабуся встала и пересела на другую сторону. Меня это вполне устроило.

Воскресенье я провел в поисках мотоцикла, в понедельник у молодого, но уже крепко сидевшего на игле парня, я купил «Яву», несколько потасканную, но еще бодренькую и исправно бегающую. Больше всего в тот момент я боялся, что мне всучат фуффло, ведь в моторах я совсем не разбираюсь. Однако, наркоша не обманул, мотоцикл вел себя прилично, заводился с пол-оборота и не капризничал.

Большой любил казино. Это мне скоро удалось выяснить, причем совершенно случайно. Однажды, когда я дежурил возле его дома, он появился там поздно ночью, пьяный вдрызг. Машину вел один из его охранников, тоже не сильно трезвый. Большой выпал из дверцы, смачно приложившись мордой об асфальт. Я с любопытством наблюдал за этой сценой. С другой стороны машины выкарабкалась девица проститутской наружности, одетая в кожаную юбчон-

ку, сильно смахивающую на ремень, и нечто вроде лифчика, только чуть подлиннее. Девица была чуть трезвее Большого, однако на ногах держалась не в пример лучше. До меня, скрывавшегося в десяти метрах от подъезда, отчетливо долетела перегарная вонь. Большой приподнял голову, смачно рыгнул и попытался подняться, используя девицу и охранника в качестве опоры. Получалось неважно, в конечном итоге все трое рухнули на землю, смачно матерясь. Юбочка девицы задралась до просто неприличных пределов, обнажив тугую попку с полным отсутствием нижнего белья. Гога поднялся вновь, опираясь на машину. Теперь это выглядело более надежно, так как опора была устойчивой. Поднявшиеся девица и охранник подперли его с двух сторон, и вся веселая компания, дико хохоча, направилась в подъезд. Ступеньки им удалось преодолеть с разбега. Большой влетел в раскрытую первую дверь, налетел на закрытую вторую лбом и выпал наружу. Девица врубилась в дверной косяк, охранник врезался в раскрытую дверь. Раздались три мощных щелчка, напоминающих удары бильярдных шаров друг о друга. Троица вторично упала на земельку.

Большой поднялся в третий раз. Девица, охая и стеная, вяло ползла вверх по стене, цепляясь за неровности на штукатурке. Охранник, не мудрствуя лукаво, решил преодолеть преграду на четвереньках. Большой рванул дверь на себя и неуверенно вошел вовнутрь. Девица последовала за ним, подворачивая ногу со сломанным на туфле каблуком. Охран-

ник вполз внутрь на карачках, судя по доносившимся оттуда звукам, его неудержимо рвало.

Все это было безумно интересно. Особенно мне понравилась девица. Не потому, что она была чрезвычайно сексуальна, а потому, что я прекрасно знал, кто она такая. Это была Галка Лямкина. Когда-то мы учились с ней в одной школе. Она была на три года младше меня, и во времена моей юности я лично принимал ее в пионеры. Долгое время она была в меня влюблена, бегала по пятам, писала записки с жуткими орфографическими ошибками, а потом выросла и пошла по кривой дорожке. Особых способностей у Галки не было, работать и учиться она не желала. Занятие проституцией было для нее самым простым делом, пустая голова этому несколько не мешала. В последнее время Галка тусовалась на панели возле казино с загадочным названием «Химера». Что имели в виду его владельцы, назвав заведение подобным образом, оставалось тайной.

Как бы то ни было, теперь я знал, где Большой любит проводить свое время. Следовало узнать, регулярно он там бывает, или это случайный визит.

Удивляло меня другое. Беспечность бандюг по отношению к собственной безопасности выглядела просто непротитительной. Что мне стоило укокошить Бека и Большого? Тьфу, семечки. Охранники, на мой взгляд, совершенно напрасно получали деньги. И у одного, и у другого все секьюритти выглядели зажавшимися и обленившимися. Для ме-

ня это было не слишком интересно. Мне требовалась интрига.

На следующий вечер я пошел в казино, быстро проиграл двести баксов на автоматах, но цели своей достиг. Большой появился там к одиннадцати часам пьяный в дупель с Галкой, висящей на его плече. Непринужденно потолкавшись между игроками – завсегдатаями казино, я смог выяснить, что Большой здесь бывает ежедневно. Хотя у меня не было оснований этому не верить, я решил выяснить так ли это на самом деле. Пришлось ходить в казино каждый день. Играл я по мелочи, денег оставалось не слишком много, чтобы я мог позволить себе излишества. Однажды я даже выиграл в рулетку триста баксов и решил: хватит, пора начинать другую игру. За несколько недель я увидел массу разных прихлебателей Бека и Большого. Особенно меня интересовали бойцы. Я проследил за несколькими из них, а выявить остальных было несложно. Мальчики любили сауны, девочек и рестораны, в коих проводили время вместе. В общем, оттягивались ребята на всю катушку.

Однажды я стал свидетелем бандитской сходки. Большой вышел из дома ни свет, ни заря, чисто выбритый, хотя глаза выдавали его похмельное состояние. Затем он сел в свой джип и отправился куда-то в центр. Я ехал за ним на своем мотоцикле. Большой приехал в ресторан, в котором прежде я не был. Судя по многочисленной охране, там намечалось какое-то мероприятие. Внутри меня не пустили два амбала,

с пудовыми кулаками и зверским выражением лица. «Спецобслуживание», – заявил один из них, у которого на лице сохранилось немного человеческих черт. Я особенно не расстроился, устроился под тополями в кустиках акации и принялся наблюдать. Спустя четверть часа в ресторан заявился Бек, а еще через пару минут появилась кавалькада из трех красивых иностранных машин, названий которых я даже не знал. Машины были на удивление чистыми, словно вылизанными... Вылизанными? Очень может быть. Из машины показался огромный дяденька в строгом костюме, из-под которого торчали куски мускулов. Бдительно оглядевшись по сторонам, он открыл заднюю дверь, выпуская на свет божий «Черного Мэра» города Тимофея Захарова. Тот что-то буркнул охраннику и скрылся в ресторане. Я устроился поудобнее и принялся ждать. Ожидание продлилось около полутора часов. После этого, в дверях с интервал в полминуты показались Бек, Большой и Захар. Остановившись на крыльце, они пожали друг другу руки, и разошлись по своим автомобилям. Grimасы фальшивой радости быстро пропали с их лиц, едва они отвернулись друг от друга. Захар загадочно улыбался, Большой был хмур и что-то бурчал под нос, Бек злобно щурился, раздраженно поджимая губы. «С тебя-то я и начну», – подумал я. Думать, кто станет моей первой мишенью, слишком долго не пришлось. Ежедневно Бека провожал и встречал один человек – начальник его охраны. Не знаю, как его звали, но прозвище у него было весьма добро-

душное – Батон. Хотя сам он на хлебобулочное изделие не походил, разве что на сухарь, такой он был жилистый и твердый, с острым подбородком, тонкими губами и злыми мертвыми глазами. Он казался мне опасным, поэтому выслеживал его я в три приема. Жил Батон в обычной многоэтажке с проходным подъездом. Это обстоятельство мне очень понравилось. В понедельник, очень рано утром, я засел в подъезде в темном углу.

Батон был пунктуален. Именно этот фактор и помог мне выследить его в такие рекордные сроки. Батон был человеком известным и никого не боялся, справедливо полагая, что ни один нормальный человек к нему не подойдет. Поскольку я себя к нормальным не причислял, шансы у меня были. В семь пятнадцать он вышел из своей квартиры и пошел вниз по лестнице. Почему Батон не пользовался лифтом, мне было неизвестно, наверное, так полагалось человеку, привыкшему к постоянной опасности. Сам бы я тоже на такой работе не запирался бы в тесном, хорошо простреливаемом пространстве. Батон начал спускаться вниз. Я стоял у лифта, делая вид, что вызываю кабину. На улице в это время уже должна была стоять машина, в которой сидел личный шофер Батона. Обычно все происходило именно так.

Батон показался на лестнице. Его взгляд цепко обшарил меня с головы до ног, а рука непроизвольно дернулась к поясу. Однако мой внешний вид его успокоил, и он расслабился. Еще бы: я выглядел сущим пацаном в гавайских шортах

с ярко-желтыми и красными огурцами и футболке, которая была мне на два размера больше. В руке у меня было мусорное ведро. Батон прошел мимо, и, повернувшись ко мне спиной, протянул руку к дверной ручке. Я молниеносно вытащил из ведра пистолет, заранее проверенный и снятый с предохранителя, с патроном в стволе, и выстрелил Батону в затылок. Надо отдать ему должное, он успел уловить мое движение и услышать щелчок взводимого курка. Он хотел повернуться, а рука уже почти достала пистолет, когда моя пуля пробила его череп. Снаружи раздался гудок автомобиля. Выстрела никто не услышал, так как я не зря привинтил к стволу глушитель. Батон рухнул на пол лицом вниз. На серый бетон пола потекла густая темная жидкость с тонкими желтыми ручейками. Я нагнулся и вынул из кобуры Батона его пистолет, сунув его за пояс. Бросив ведро в угол, я вытащил спрятанный там сверток с одеждой и шмыгнул ко второму выходу. В это время дверь начала отрываться, но труп Батона помешал входившему осуществить свое намерение. Я, не теряя времени, выскочил наружу. Там, во дворе, я переоделся в детском домике, сел на оставленный там мотоцикл и выехал прочь со двора. Долго петляя по городу, я убедился, что за мной не следят, и поехал домой. Теперь должны были последовать результаты, а мне следовало затихнуть. Ни к чему было раньше времени трогать Большого. Бек должен был подумать, что Батона замочили люди Гоги Сытина. Если бы мне повезло, война началась бы немного раньше.

Весь следующий день я провел в праздном валянии на диване. Происходило это вследствие дикой головной боли, а также в банальной предосторожности. Об убийстве Батона скупно сообщили в новостях, обозвав его «серым кардиналом криминального мира». Убийство обозначили как заказное, хотя пронырливые журналисты обратили внимание, что рядом с трупом не было найдено оружия. Я пожалел, что не бросил там пистолет, тогда все было бы по правилам. Впрочем, жаловаться не приходилось. Дома я внимательно осмотрел свой трофей, отобранный у Батона. Это был курносый «Смит и Вессон» тридцать восьмого калибра с коротким стволом и пятью патронами в барабане. Барабан был полон, ствол чист, без запаха гари и в очень хорошем состоянии, из чего я сделал вывод, что оружием Батон пользовался редко, а следил за ним хорошо. Решив использовать свой ПМ позже против людей Бека еще раз, а потом выбросить, дабы не оставлять улики, я разобрал его, тщательно вычистил и смазал. «Смит и Вессон» Батона я думал пустить в ход на следующий вечер.

Утром следующего дня, я чувствовал себя, как огурчик. Выйдя в гастроном, я купил хлеба, банку килек и полкило халвы, а потом все это умял дома. Ближе к обеду, я распылил на территории квартиры остатки тараканьей отравы, по-

сколькx настырныe «стасики» упорно не желали покидать жилище, и поехал на охоту. Честно говоря, пользоваться пистолетом мне было непривычно, я предпочел бы винтовку, но таскаться по городу с винтовкой было неудобно – она привлекала ненужный нездоровый интерес.

Моей следующей жертвой должен был стать человек из окружения Большого. Выбор был не из легких, так как мне требовалось убрать кого-то нужного Сытину, человека не мелкого, как бы в отместку убитому Батону. Прострелить башку обычной «шестерке» было делом нехитрым, а вот с более крупной дичью были проблемы. В группировке Бека существовала своеобразная иерархия, своя социальная лестница, достаточно заметная даже простому обывателю, более трех дней вращающемуся в этих кругах. В команде Большого присутствовали в основном отморозки, которые не слишком задумывались, на какой социальной ступени они состоят. Это было мне непонятно. Фильмы и книги о мафии представляли все совсем иначе. Перед Большим никто не открывал двери машины, никто не стремился прикрыть его грудь перед подозрительным объектом. Сытин сам пинками открывал двери, не гнушался притормозить у ларька и самостоятельно сбегать за сигаретами, чем был мне невероятно симпатичен, хотя поведение его было несколько странным. После долгих раздумий я остановился на промежуточном варианте.

Через два дня я, облаченный в темную ветровку и черные

джинсы, я сидел неподалеку от казино, неторопливо оглядываясь по сторонам. Большой прохладился там уже более трех часов, и мне совсем не улыбалось ждать его дольше. Время было позднее. Человек на мотоцикле, который никуда не спешит, выглядит подозрительно, поэтому мне пришлось отъехать подальше и спрятаться в кустах, с риском пропустить момент, когда Большой выйдет наружу.

Большой вновь появился в дверях с Галкой, висящей на его плече. Позади шли два хмурых амбала, не слишком пьяных по виду. Я напрягся: именно такой вариант мне нравился больше. Компания загрузилась в джип, причем, судя по пьяным выкрикам Большого, машину он рвался вести сам, а качки его упорно отговаривали. Галка глупо хохотала, подгибая коленки. Издалека создавалось впечатление, что ей жутко хочется в туалет. Наконец одному из верзил удалось убедить Большого отдать ему ключи. Спустя еще пару минут джип с веселыми улюлюканьями, доносившимися из открытых окон, понесся по ночному городу, отчаянно виляя по почти пустой дороге. Я натянул на голову шлем и понесся за ними.

Догнать джип не составило большого труда. Правила дорожного движения для Большого были побоку, впрочем, ни одного даже самого завалящего милиционера на улицах не было. Большой высунул голову из люка на крыше, и горланил какую-то песню. Подъехав поближе, я услышал давно надоевшие слова: «... И целуй меня везде, восемнадцать мне

уже!..». Бас у Сытина был знатный, а вот слуха не было и в помине, поэтому он весьма мастерски попадал между нот. Из окна полетела пустая пивная бутылка, разбившаяся об асфальт. Я нажал на газ. Пора было начинать другую игру. Удерживая руль одной рукой, я вытащил из внутреннего кармана «Смит и Вессон» взятый у Батона.

Стрелять на ходу было довольно трудно, тем более, что приходилось удерживать руль левой рукой. При таких условиях, не будь это паршивой пародией на заказ, попасть в Большого было бы тяжело. Однако я вовсе не ставился целью убить Гогу прямо сейчас.

Подъехав почти вплотную к машине, я вскинул руку и трижды выстрелил в открытое окно и в боковую дверцу машины. Однако водитель среагировал быстро. Вильнув вправо, он едва не столкнул меня в кювет. Тем не менее, судя по тому, как шофер дернулся и схватился за плечо, я все-таки в него попал. Гога мгновенно сунул голову внутрь, а из заднего окна высунулась рука с огромным пистолетом. Джип поддал газу и ринулся вдогонку. Тут уже было не до церемоний, тем более что громила с заднего сидения начал в меня палить. Я рванул вперед, отчаянно петляя, в любой момент ожидая получить пулю в спину. Скорость у меня была вполне приличная, про такую говорят – низко летели, но джип меня все-таки догонял. Я свернул на боковую улочку, потом еще в одну, пролетел на бешеной скорости три перекрестка, свернул влево, потом еще раз влево и перевел дух только тогда, ко-

гда увидел, что снова еду за Большим по пятам, но уже значительно дальше. Я свернул в сторону и спрятался в тихом переулке, заглушив мотор. Выждав два часа, я, осторожно озираясь по сторонам, поехал домой. По пути я остановился у небольшого пруда, отмыл там замазанный накануне грязью номер и утопил уже ненужный пистолет. Оставив мотоцикл на платной стоянке, я пешком пошел домой, принял ванну и попытался уснуть.

Однако сон никак не приходил. Вместо него заявила гостья, которую я не ждал и вовсе не хотел бы увидеть, именуемая совестью. «Что ты творишь? – говорила она мне. – Ведь эти люди ни в чем не виноваты перед тобой. Разве их вина, что твои близкие умерли? Виноват сын Бека, и он уже мертв, ты в расчете с ним... Остановись, пока не поздно. Мертвых не вернуть, ты выжил, и это главное».

Только все доводы моей совести опрокидывались на обе лопатки и визгливо просили пощады, когда перед моими глазами вставали трупы моих родителей, младшей сестры и даже Лехи с его предками, которые тоже не заслужили такой участи, которые тоже не были виноваты, что сын Бека оказался ублюдком, а сам папаша – уродом.

В голову как на грех лезли разные воспоминания, связанные с родными и Лехой. Я вспомнил, как еще в соплячем возрасте мы с Лехой отправились кататься на горку. Фанерки и санки нас не вдохновляли. Мы сгоняли на ближайшую по-мойку, откуда приволокли старую чугунную ванну. Два вось-

милетних пацана, то есть мы, высунув язык, втащили ванну на верхотуру, влезли в нее и, оттолкнувшись от льда деревянными клюшками, понеслись вниз, словно два бобслеиста. Скорость мы набрали совершенно устрашающую, ветер так и свистел в ушах. И только секунд через пять мы с ужасом увидели, как на нас несется стена ближайшего пятиэтажного дома. Мы пронеслись по всей улице и с грохотом влетели прямо в окно первого этажа. Не знаю, как Леху, а меня ругали долго и не взяли на новогодний утренник.

Я вспомнил, как сестра таскала ластик из моего стола, и как родители радовались, когда я вернулся из армии, со слегка сдвинутой психикой, но все-таки живой. Как мы отмечали мои дни рождения и тот памятный поход в ресторан, когда я торжественно объявил им, что служу в отличной компании по разработке Интернет-сайтов и даже получаю хорошие деньги. Мама тогда уронила на себя торт с розовым кремом, а отец сказал, что розовое ей к лицу. Я вспомнил, как сестра разозлилась на меня, за то, что я не повел ее в кукольный театр на «Василису Прекрасную» и швырнула в меня здоровенным куском магнита... Конечно, Алена в меня не попала, угодив отцу точно между глаз. А потом плакала и просила прощения... Я рассмеялся, вспомнив, как меня оставили нянчить Аленку, заболевшую ветрянкой, велел смазать выступившие гнойнички зеленкой, а тут пришел Леха и принес порнушку. Мне лень было тыкать в каждую болячку ваткой и недолго думая, я вымазал сестру зеленкой с ног до головы,

а ночью был разбужен воплем вернувшейся с работы мамы, увидевшей в кроватке зеленое чудовище... Я вспомнил это, и еще много чего, захлебываясь от рыданий...

Совесть глухо ворчала, заглушаемая болью в моей голове, замолкая под шум дождя, струи которого омывали три могилы на кладбище.

Сон все-таки сморил меня. Засыпая, я понимал, что теперь возврата к прошлой жизни не будет, а в глубине души тихо-тихо пускала корни серая тень тоски...

Кто-то поднимался по лестнице. Шаги были тихими, осторожными и почти невесомыми, но я слышал их, ощущая кожей, каждым нервом, каждым позвонком. Кто-то началковыряться в замке. Мои мышцы напряглись до предела. Когда неизвестный открыл дверь и вошел в квартиру, я был уже готов. Тощая мужская фигура на цыпочках проскользнула в комнату. Когда мужчина подкрался к продавленному дивану, на котором лежало скрюченное одеяло, сильно смахивающее на безмятежно спящего человека, я уже зашел сзади и уперся стволом пистолета ему в затылок.

– Громко ходишь, Дрюня, – усмехнулся я. – Топаешь, как слонopotам. Я тебя еще во дворе услышал.

Дрюня повернулся. На его лице появилась кривая ухмылка.

– Хоть раз бы к тебе подкрасться незаметно, – меланхолично произнес он.

– Помечтай, – ответил я и убрал пистолет. – Садись, раз пришел. Жрать будешь?

Дрюня отрицательно помотал головой.

– А водяры у тебя нет? – с надеждой спросил он.

– Водяры нет. Чай пей. Говорят, он полезный.

Дрюня вздохнул. Перспектива пить чай его не прельщала, но делать было нечего. Я поставил на газ чайник, вытащил из ветхого холодильника остатки халвы и высыпал их на треснувшее блюдо. Дрюня молчал, брезгливо покосившись на скучающего таракана, прогуливающегося по подоконнику. Чайник лихо свистнул. Я потянулся и выключил газ. Дрюня по-прежнему молчал, хмуро наблюдая, как я разливаю чай по паршивым чашкам, покрытым толстым слоем коричневого налета.

– Как ты меня нашел? – спросил я. Дрюня поморщился.

– Не те вопросы задаешь. Спроси, почему я тебя нашел?

– И почему?

Дрюня отхлебнул чай, обжегся и закашлялся. Из его рта потекла тонкая струйка чая, попав на футболку, которая еще неделю назад перестала быть чистой.

– Слюнявчик надень, – посоветовал я. Он скривился и недружелюбно посмотрел на меня.

– Ищут тебя, – пробурчал он. – Шороху ты навел в городе, будь здоров. Большие люди всполошились, ко мне тоже приходили.

– Что спрашивали?

– Разное. Не продавал ли я недавно ПМ и если продавал, то кому? Про винтовку не спрашивали пока.

– А ты?

– А что я? Я за две недели шесть ПМ-ов продал, так им и сказал. Я же биографию у клиентов не спрашиваю. Всех проверенные люди приводили. Выложил я все данные на них, небось, проверяют теперь.

– Про меня что сказал?

– Вот тут самое интересное начинается, Пуля. Меня спрашивал мужик из группировки Сытина, не было ли у меня покупателя – мужичка очень маленького роста, который ездит на красной «Яве». Ты же «Яву» купил?

Я хмуρο кивнул.

– Я ему честно сказал, что на мотоцикле ко мне никто не приезжал. Ты же тогда еще пешком ходил, а маленьких мужиков, говорю, вообще не было.

– Соврал что ли?

– Как сказать... Ты при своем росте и возрасте на мужика как-то не тянешь. Иной раз и посмотреть не на что – пацан пацаном. Так что не сильно я и лукавил.

– И они тебе поверили? – криво усмехнулся я. Под ложечкой противно заныло и засосало. Неужели так быстро меня вычислили?

– Не знаю, вроде поверили. Мне резона врать им нет. Я нейтралитет держу. Стволы поставляю всем, кто запросит, кроме черных, конечно. А про нашу дружбу они не знают,

тем более, что официально ты – покойник.

– Когда они к тебе приходили?

– Вчера.

Я подскочил с места и подбежал к окну.

– Сбрендил что ли? – прошипел я, внимательно оглядывая двор. – а ну, как они за тобой шли?

– Я петлял. Хвоста вроде не было...

– Вроде?..

Во дворе все было тихо. Подозрительных личностей не наблюдалось. Нигде не кружили бритые братки и не шныряли неприметные личности с погонами под джинсовыми куртками.

– Через парадную не выходи, – посоветовал я, – иди через черный ход. Там рядом кусты, танк спрятать можно. Понял?

– Понял. А ты от мотоцикла избавься. Где он у тебя?

– На стоянке.

– Хочешь, я его заберу? – предложил Дрюня.

– Не надо. Пусть стоит.

– А если найдут? Тебе же квитанцию выписывали и в журнале небось отметили. Там же фамилия будет стоять!

– Будет, только не моя. Права у меня левые, сам делал. Чужая там фамилия.

Дрюня восхищенно присвистнул.

– Ну и крут же ты, Пуля! Все предусмотрел!

– Всего предусмотреть невозможно. Ты-то как меня нашел?

– Сказал тоже! Я-то знал, кого надо искать. Ты же сам, пока у меня на даче сидел и стволы ждал, объявления в газете подчеркивал. Вот я по ним и прошелся. Первый же адрес твоим оказался.

Я чертыхнулся: надо же было так лопухнуться.

– Газету выкини, а лучше сожги, – приказал я.

– Я ее съем, – серьезно ответил Дрюня. – Я в кино видел.

– Ага, – промолвил я и глубоко задумался. Если Дрюня меня так легко обнаружил, то и другим это сделать будет несложно. Андрей может думать все, что угодно, но мы свое знакомство не прятали, я к ним частенько приходил. Рано или поздно выплывет, что мы знакомы. А если кто-нибудь сочтет необходимым покопаться в нашем прошлом, то без особого труда установит, что мы служили в одной бригаде. И тогда все...

– Я тебе машинку подогнал, – промолвил Дрюня, с отворачиванием глядя на недопитый чай. – Восьмерку. Выглядит паршиво, но бегаёт хорошо.

– Где надыбал?

– Дак на твои бабки куплена. Она стоит всего пятьсот баксов.

– Чего так дешево? – поинтересовался я.

– А в ней мужик угорел, – равнодушно оповестил меня Дрюня. – В смысле, того... Самоубийством, значит, жизнь покончил. Шланг закинул в салон и каюк! Машина на улице стояла, солнышко тоже помогло. Вонючка в салоне стоит

неимоверная, как в скотомогильнике. И пассажирского кресла впереди нет, с корнем выдрано. Но тебе в самый раз будет. Только сильно не светись, машинка приметная.

– В каком смысле?

– Ну, мужик ее в лотерею выиграл, «Богатырские пельмени» кушать любил, вот и сподобился выиграть. У нее с бортов еще не все наклейки содраны. Я пробовал отмыть, но их, по-моему, проще закрасить.

– Ключи давай, – вяло произнес я.

Дрюня положил на стол пару ключей и уставился в окно.

– На веселое дело идешь, – хмуро произнес он. – Может, все-таки остановишься?

– Высказался? Полегчало? Давай, дуй отсюда, не забудь, через черный ход.

Андрей тяжело вздохнул и поднялся с места. В прихожей, потоптавшись у порога, он повернулся ко мне.

– Знаешь, – тихо сказал он, – видеть знакомые имена на могилах не слишком приятно...

– Вали отсюда, – устало протянул я, – я спать хочу...

* * *

Охота была не слишком удачной. На рынке, где солдатики слегка расслабляются, удалось поймать всего лишь двоих. Один – здоровенный жлоб, пьяный вдрызг, сам сел в машину, когда ему предложили подвести до блок-поста. Другой,

маленький и верткий, успел даже снять автомат с предохранителя, прежде чем получил по башке тяжелым куском железной трубы.

Большого забрали почти сразу. Он был сильным, мог пригодиться на подсобных работах. На маленького никто даже толком не взглянул. Когда его выпихнули из машины, джигиты смеялись, что русские в армию детишек стали принимать. Уж больно худеньким и миниатюрным был паренек. Такого даже бить не хотелось, жалко.

Однако, его били. Били гораздо чаще, чем следовало, и, похоже, добились своего. Парнишка, видимо, повредился в уме. Он машинально исполнял ту часть работы, что была предназначена для него, но совершенно перестал разговаривать и спать. Он молчал, даже когда его пинали ногами, били прикладами и хлыстом, только терял сознание и падал навзничь. А вот умирать он отказывался, цепляясь за жизнь, подобно кошке.

Шамиль, местный житель, мужчина тридцати восьми лет, в доме которого жил этот маленький паренек, хмуро смотрел, как тщедушное тельце методично заметает двор. Механические движения мальчишки были вялыми. Из рассеченной накануне брови вновь закапала тонкая алая струйка, сбегая по щекам, но паренек не замечал этого. Шамиль выругался.

– Эй, русский, быстрее работай! – проорал он. Мальчишка даже не подумал отреагировать. Шамиль как-то отмечал, что

парень вроде стал плохо слышать. Шамиль нехотя поднялся с места и вышел на солнцепек.

– Я сказал, быстрее работай, – выкрикнул Шамиль и наградил паренька пинком в живот. Удар был настолько силен, что солдатик пролетел через весь двор, скривившись от боли. Нависая над распростертым телом, Шамиль со злорадной улыбочкой следил за гримасами русского мальчишки, ожидая увидеть слезы. Унижать незваных пришельцев ему доставляло искреннее удовольствие. Однако мальчишка не захныкал. Его лицо разгладилось, и он безучастно посмотрел на Шамиля. Тот плюнул на землю, схватил паренька за шиворот и поволок вглубь двора. Там, специально для пленных русских была выкопана яма. Шамиль подволок к ней парня швырнул вниз.

Позади неслышно появилась Лейла, жена Шамиля. Не оборачиваясь, тот почувствовал ее присутствие.

– Гости вечером будут, – негромко произнесла она. – Пошли Абдуллу на рынок за мясом и овощами.

Шамиль кивнул и пошел в дом. Лейла вошла следом и привычно встала за спиной.

– Что тебе? – отрывисто спросил Шамиль.

– Что с русским будешь делать? – тихо спросила она.

– Тебе зачем?

Лейла вздохнула и прислонилась к стене. Ответа Шамиль так и не услышал.

– Продать хотел, да кто его возьмет, – неожиданно про-

должил Шамиль. – Работник он плохой, слабый, долго не выдержит. Он и так, похоже, с ума сошел...

– Нет, – возразила Лейла, – он не сошел с ума.

– Ты откуда знаешь?

– Сумасшедшие так не смотрят. Взгляд у него нехороший.

Я многих тут повидала, но этот – особенный русский.

– Какой-токой нехороший взгляд, – усмехнулся Шамиль. – Что ты выдумала, женщина?

– Так смотрят волки, – не обращая внимания на издевку мужа, произнесла Лейла. – У него в глазах смерть. Избавься от него, он принесет нам беду.

– Кофе налей, – приказал Шамиль, – и не болтай глупости.

Или ты думаешь, что я буду бояться мальчишки?

Лейла послушно вышла из комнаты. На кухне, она открыла новую банку растворимого «Нескафе», швырнув жестяную крышечку в помойное ведро. Шамиль, улегшийся на ковер, без особого интереса смотрел по видео какой-то второсортный боевик. Лейла подошла к нему и поставила чашку с кофе прямо на пол. Шамиль кивнул и махнул рукой, мол, проваливай. Жена пошла к выходу, но на пороге обернулась.

– Я вижу в его глазах смерть, – упрямо повторила она. – Избавься от него.

– Иди, – раздраженно рявкнул Шамиль. – Да, русского сегодня можешь не кормить, не заработал...

Еще вчера я мгновенно засыпал, едва только моя голова касалась подушки, а сегодня, взбудораженный визитом Дрюни, я таращил глаза в потрескавшийся потолок, ворочался с боку на бок, но так и не сомкнул глаз.

То, что группировки начали суетиться и искать меня, говорило, в какой муравейник я сунул палку. Естественно, появление неизвестного стрелка путало бандюгам все карты. Представляю, как они мечутся по городу, расспрашивают всех. Однако обольщаться не стоило. Вполне вероятно, что рано или поздно они выйдут на мой след, чего мне, естественно, не хотелось.

Я заснул около трех часов. Сон мне снился пренеприятнейший. Я снова был в морге, в компании мертвецов. На соседнем столе лежал Леха, с укоризной смотрящий на меня. На моих руках покоилась отрубленная голова Толика Бешеного. Внезапно голова подленько усмехнулась, и из ее рта полезли мелкие черные жуки. Я отшвырнул голову в сторону, но она почему-то не упала, а просто растворилась в воздухе, а жуки, угрожающе щелкая челюстями, начали раздуваться и ползти к моим ногам, с противным стрекотанием. Я вдруг обнаружил, что сижу в вонючей, темной яме, а наверху, сквозь узенькую щель на меня смотрит луна. Стены ямы начали сдвигаться, и я закричал. Жуки падали на меня

сверху, стрекоча и залезая за шиворот. Я рванулся вперед... и упал с дивана.

– Ничего себе, пироженки, – усмехнулся я. Странное стрекотание, которое не давало мне покоя во сне, не прекращалось. Я потряс головой, и только спустя мгновение сообразил, что это скрежест старенький, перетянутый скотчем телефон. Я машинально посмотрел на часы – половина четвертого.

Звонков я не ждал. Более того, то, что кто-то решил позвонить по этому номеру, меня насторожило. Его не знал никто, даже Дрюня. Когда я звонил хозяйке квартиры, это был совсем другой номер и другая квартира. Дрюня пришел днем, а ночью мне уже кто-то звонит, неужели выследили?

Телефон тянул меня к себе, как магнит. Не выдержав неизвестности, я снял трубку.

– Алло? – тихо произнес я. В трубке раздалось какое-то бульканье.

– Что-что? – переспросил я.

– Гырдырвссс, – ответил неизвестный собеседник жутко пьяным голосом.

– Чего? – не понял я.

– Забери меня, – попросил голос, сильно перевирая гласные. Впрочем, согласные у него тоже получались неважно.

– Откуда? – глупо спросил я.

– Отсюда, – пояснил голос. – Икк... Гырдырвсс...

– Куда? – осведомился я.

– Домой. Икк...

– А где твой дом? – спросил я, чувствуя, как уголки губ сами собой растягиваются в стороны.

– Икк... Дак, Гоголя, семнадцать, пятый этаж, налево...

Икк... ты что, забыл?

– Да я, собственно, и не знал, – усмехнулся я.

Голос встревожено смолк, а потом с тайной надеждой спросил:

– Антон, ты?

– Нет, – разочаровал я голос. Собеседник помолчал.

– А, Антон говорил, что с другом посидит, а потом меня отвезет. Ты его друг?

– Ну, конечно, – саркастически ухмыльнулся я.

– Забери меня, – взмолился голос, – дыргырвссс...

– Куда? – спросил я.

– Ты что, дурак, – возмутился голос. – Икк... Я же говорю, домой. Позови Антона.

– Он спит.

– Икк... Разбуди, он меня к жене отвезет.

– А твоя жена живет Гоголя семнадцать, пятый этаж, налево? – осведомился я. Голос смолк.

– А ты откуда знаешь? – спросил он с подозрительными нотками, начисто забыв, что минуту назад сам сказал об этом.

– Антон сказал, – успокоил я голос.

– А, он знает. Ну, увези меня... икк...

– Не, не увезу, – поспешил я разочаровать собеседника.

– Почему? – глупо изумился голос, – икк... Дыргырвссс...

– Потому что ты ошибся номером, – пояснил я. Голос смолк, а потом в трубке раздалось робкое:

– Извините... Слышь, увези меня...

– Не с твоим счастьем, – произнес я и повесил трубку.

Телефонный звонок несчастного алкаша неожиданно взбудрил меня. Сон как рукой сняло, голова прояснилась, а темные мысли отодвинулись вдаль. Может быть, Дрюня прав, и мне действительно нужно прекратить эту вендетту? Толик мертв, какой смысл проливать невинную кровь?

Хватило меня ровно на пять минут. А потом тревога вновь черной змеей вползла в мою душу. Я попытался стряхнуть наваждение, но выходило плохо. Мне требовалось как-то встряхнуться. Вот когда я пожалел, что нахожусь не дома. В такие моменты я садился за компьютер и начинал работать. А здесь, в унылой хрущевке, мне некуда было деться. Может, пойти, покататься? Я открыл балконную дверь и посмотрел вниз, на стоящую у подъезда «восьмерку». Почему бы и нет? Можно выехать за город, пострелять... Нет, пожалуй, нет смысла таскаться сегодня с оружием. А, была не была!

Я спустился вниз, осторожно прикрыв за собой дверь подъезда. Сильно потасканный автомобиль ждал меня. Я открыл двери и невольно шарахнулся в сторону. Да, Дрюня был прав, вонь здесь стояла жуткая. И как, прикажете, си-

деть внутри?

Я решил не сразу. Долго ходил рядом, привыкая к запаху, а потом все-таки уселся, опустив оба стекла. Ничего, с ветерком можно покататься, только бы гаишники не тормознули, документы на машину не оформлены, еще привяжутся. Правда, права у меня есть, липовые, конечно. Этой бумажкой, которую я сам сварганил на компьютере и запаковал в пластик, я невероятно гордился. Вот что значит, умение пользоваться компьютером! Вряд ли визуально можно было различить подделку, а проводить экспертизу на дороге все равно никто не станет. Суну полтинник в конце концов!

Из города я выбрался без приключений, хотя потратил на это гораздо больше времени, чем планировал. Дело в том, что водитель я неважный. Если на мотоцикле я гоняю без каких-то проблем, то автомобиль – явно не мой вид транспорта. Особенно большие проблемы у меня с дистанцией. Я дважды едва не тюкнул «Мерседесы», когда Леха давал мне порулить, после чего раз и навсегда отказался от вождения, предпочитая такси и общественный транспорт. Теперь, выехав за город, я с удовольствием нажал на педаль газа, виляя из стороны в сторону. Несмотря на неказистый вид, моя машинка слушалась руля как верная собачка.

Стоящий на обочине автомобиль я увидел не сразу. Только когда наперерез мне из кустов рванула тоненькая фигурка, я осознал, что на этой дороге я не один и вдавил в пол педаль тормоза. Меня слегка занесло, но в целом я вполне

успешно справился с задачей.

– Слава богу, кто-то появился, – услышал я голос. Рядом с моей дверцей появилась девушка. – Вы мне не поможете?

Я промедлил секунду, а потом открыл дверцу. Конечно, довольно часто я слышал о том, что вот таким нехитрым способом действуют бандиты. Они оставляют на дороге якобы сломанную машину, сажают в нее симпатичную девушку. Та тормозит проезжающих мимо. А дальше дело техники. Но я сразу отверг мысль, что где-то здесь притаились бандиты. Дорога эта пустынная, ездят по ней редко. И потом, всякий нормальный бандит шарахнется в сторону, увидев представшее перед ним «сокровище». А мысль, что меня можно чем-то напугать показалась мне смешной.

Девушка отошла в сторону и сморщила нос, когда я вышел из машины.

– Чем это у вас из машины так воняет? – спросила она. Я с трудом сдержал остроту.

– Что случилось? – вместо ответа спросил я. Девушка вяло пожала плечами.

– Вот, – произнесла она, – подводя меня к своей машине, – заглохла, стерва, и не заводится. Я думала, может, бензин кончился, но датчик показывает, что еще полбака есть. Впрочем, я недавно заправлялась.

Я с любопытством посмотрел на девушку. Она была выше меня примерно на полголовы, хотя была обута в какие-то спортивные тапочки. Черные джинсы и легкий топик обтя-

гивали ее ладную фигурку, словно вторая кожа. Личико, с большими черными глазами, пухлыми губками и аккуратным носиком, обрамляли короткая стрижка на черных волосах. Девушка рождала какие-то итальянские ассоциации. Хотелось припасть к ее ногам и произнести, что-то вроде: «Грация, сеньорита».

Я подошел к автомобилю и заглянул в открытый капот. Девушка светила мне фонариком, что, кстати, было абсолютно бессмысленно, так как технарь из меня еще тот. Это ведь не компьютер...

– По-моему нет искры, – сконфуженно произнесла девушка. – Прямо не знаю, что делать.

– Я тоже не знаю, – сказал я. – Починить машину я не смогу в любом случае. Могу вас отбуксировать, если у вас найдется трос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.